

Народное творчество (Фольклор)

Давид Сасунский

Народное творчество (Фольклор)

Давид Сасунский

«Public Domain»

1873

Народное творчество (Фольклор)

Давид Сасунский / Народное творчество (Фольклор) — «Public Domain», 1873

«Давид Сасунский» (арм. Սասնի զփոք, Сасунци Давид) — средневековый армянский эпос, повествующий о борьбе богатырей из Сасуна против арабских захватчиков. Сложился в VIII—X (не позднее XIII) веках.

Содержание

Ветвь Первая. Санасар и Багдасар	5
Часть первая	5
Цовинар	5
Дети моря – Санасар и Багдасар	8
Бегство халифа	10
Сасун	13
Конёк Джалали и меч-молния	15
Часть вторая	20
Дехцун-Цам	20
Медный город	24
Брат выручает брата	27
«Дехцун-Цам достойна тебя»	31
Ветвь Вторая. Мгер Старший	33
С жеребёнком на плече	33
Львораздиратель Мгер	37
Армаган	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Давид Сасунский Մանկեր Դպիր *Национальный эпос армянского народа*

Ветвь Первая. Санасар и Багдасар

*Пусть будет добром помянут армянский царь Гагик!
Не добром пусть будет помянут жестокосердный халиф!
Мы добрым словом помянем праматерь Цовинар!
Пусть будет добром помянут доблестный Санасар!
Пусть будет добром помянут храбрый Багдасар!
Пусть будет добром помянут великий Кери-Торос
И Дехун-царь – красавица с льющимися золотом кос!*

Часть первая

Цовинар

Багдадский халиф собрал войско и пошел на нас войной.
Взял город Берд-Капутин, много народу в плен взял, много добра захватил, много жилищ разгромил, многих поубивал.
Стала Армения халифу багдадскому дань платить.
Царь армянский Гагик был очень стар. Наследника у него не было. Была у него единственная дочь, красавица дочь, по имени Цовинар.
Прошло некоторое время.
Халиф послал сборщиков дани в Армению.
Сборщики дошли до города Берд-Капутина. Стемнело. Во всем мире было темно, а в том городе свет горел.
Встретился сборщикам прохожий.
– Что это за свет горит в вашем городе? – спросили они. – Солнце зашло, ночь безлунная, а у вас в городе светло. Что это за свет?
– Это светится дочь нашего царя, – отвечал прохожий. – Каждый вечер, как солнце зайдет, Цовинар-ханум садится у окна и светит городу. И при ее свете все занимаются своими делами.
Когда сборщики проходили мимо дворца, то, увидев в окне Цовинар, пали без чувств. Царь за ними послал.
Сборщики открыли глаза, ни слова не говоря поднялись, пошли обратно в Багдад и предстали перед халифом.
– Принесли мне дань? – спросил халиф.
– Много лет тебе здравствовать, царь! – сказали они. – Какая там дань! Какая там брань! В Берд-Капутине мы девушку увидели и чуть не умерли от изумления.
– Да ну?
– Истинная правда. Сидела она у окна и говорила солнцу: «Ты не всходи – я за тебя посвечу». Во всем мире было темно, в Берд-Капутине – светло.
Свет той девушки озарял город. Если б ты ее увидал, ты бы три месяца лежал

без чувств на земле.

– Чья она дочь? – спросил халиф.

– Царя Гагика, – отвечали сборщики.

– А дань почему мне не принесли?

– Много лет тебе здравствовать, царь! – воскликнули сборщики. – На что тебе дань и богатство! У тебя столько земли, столько золота, серебра, драгоценных камней! Полмира принадлежит тебе. Если же царь Гагик отдаст за тебя свою дочь – в ней ты еще полмира приобретешь.

Дума эта запала в голову халифа.

Послал он гонца к царю армянскому и велел сказать:

– Отдай за меня свою дочь. Царь Гагик ему на это ответил:

– Я – христианин, ты – язычник, как могу отдать за тебя свою дочь? Нет, не отдам!

А халиф сказал:

– Отдашь, царь Гагик, – не добром, так силой возьму. Не отдашь – я твой город Берд-Капутин сровню с землей, твой народ истреблю, полоню, твой трон и престол в прах обращу.

А царь Гагик ему на это сказал:

– Буду воевать, а дочь не отдам.

Халиф своего полководца позвал.

– Собирай войско, иди на Берд-Капутин, – повелел он. – Отдаст за меня гяур свою дочь – хорошо. Не отдаст – камня на камне у него не оставляйте, всё сметайте с лица земли, всё у него отбирайте. Полководец созвал войско, пришел в страну армян и сказал:

– Царь Гагик! Отдай свою дочь, и мы увезем ее в Багдад. А не то мы камня на камне у тебя не оставим, всё сметем с лица земли и царство твое упраздним.

Царь Гагик взглянул – и что же он увидел!.. Звездам на небе есть счет, воинам халифа нет счета. Схватились.

С обеих сторон много воинов полегло. Рать царя Гагика смешалась. Цовинар направилась к отцу.

– Что ты закручинился, отец? – спросила она.

– Неисчислимая эта рать пришла за тобой, – отвечал царь Гагик. – Если ты не будешь женой багдадского халифа, он вырежет наш народ, страну нашу разрушит, царство наше упразднит.

Цовинар подумала-подумала да и говорит:

– Лучше я одна погибну, – не погибать же из-за меня всей Армении...

Отец! Отдай меня за того язычника!

Царь Гагик созвал совет. На совет сам царский тесть, епископ Вардпатрикский, явился; пришел и семнадцатилетний Кери-Торос.

Царь созвал все свое семейство, всех мудрецов страны и повел с ними такую речь:

– Армяне! Что скажете? Отдать мою дочь тому язычнику или уж биться до конца? Что вы мне посоветуете?

Один из тех, кого он позвал, молвил:

– Нет больше сил воевать. Из-за одной девушки не стоит проливать столько крови. Отдадим ее, пусть халиф увезет ее к себе!

А другой сказал:

– Нет, будем воевать! Пусть лучше все мы погибнем, а Цовинар-ханум язычнику не отдадим!

И впрямь: что же может быть дороже чести народной? Наконец встал Кери-Торос и поклонился царю.

– Много лет тебе здравствовать, царь! – начал он. – Я знаю: народ готов сражаться до последней капли крови, лишь бы девушку не отдать иноверцам. Но я своим коротким умом

так смеаю: лучше потерять одну девушку, чем целый народ. Давай отдадим Цовинар-ханум и тем избавимся от напасти. Вообрази, как будто у тебя никогда дочери не было. Епископ с ним согласился.

– Из-за одной души обречь на истребление целый народ? – воскликнул он. – Нет, джанум, пусть лучше погибнет одна душа!

Царь Гагик видит, что выхода нет, поневоле согласился и послал весть багдадскому халифу: приходи, мол, и увози мою дочь.

Халиф тотчас стал собираться в дорогу, взял с собой поезжан и пришел в Армению.

Цовинар направилась к отцу.

– Отец! – сказала она. – Передай халифу, чтоб он мне построил дворец и чтоб он целый год не приходил ко мне и к ложу моему не приближался. Ты же отправь со мной мамку и духовника, чтобы службы служил, а я буду молиться и вере своей не изменю.

Царь Гагик пришел в стан халифа и передал ему условия дочери. Халиф сказал:

– Хорошо, джанум. Будь по-твоему. Отдай за меня свою дочь, а я с тобой замирюсь и дани у тебя не возьму. С меня довольно и того, что я стану зятем армянского царя. Обещаю тебе: не то что год – целых семь лет не подойду я к Цовинар и к ложу ее не приближусь. Велю воздвигнуть для нее дворец как раз напротив моего дворца – пусть там и живет. Отправляй с ней мамку, отправляй и духовника – в том ты волен. И пусть твоя дочь исповедует свою веру, а я свою: ведь мы – арабы, а вы – армяне.

Халиф раскинул стан в Техтисе, а Гагик пребывал в долине Нора-гех.

Там у него среди цветущих лугов, среди благоуханных пастбищ стоял летний дворец. Там протекал Молочный родник. В этой самой долине разбили шатры и семь дней и семь ночей пировали на свадьбе.

Наконец Цовинар-ханум сказала отцу:

– Отец! Завтра вознесенье. Позволь мне с подружками пойти погулять.

Царь сказал:

– Ну что ж, погуляй.

Цовинар вместе с мамкой и подружками пошла к Молочному роднику.

Гуляли до вечерней зари.

Смотрит девушка – всюду солнце светит, каждый занят своим делом: один стадо пасет, другой землю поливает, третий пашет.

– Ах, как прекрасен Божий мир! – воскликнула она. – А я и не знала. Взобрались они на гору, сели на травку, попили-поели. Внизу было видно синее море. Спустились к морю, погуляли. Цовинар сказала:

– Девушки! Вы гуляйте, а я пойду искать ключ – всем хочется пить.

Взяла она с собой мамку и пошла по берегу. Потом взобрались они на скалу, смотрят – нет конца морю. Тут обе сели и заплакали. Обе устали от ходьбы, обеих мучила жажда. А в море вода соленая, а питьевой воды нет. И взмолилась Цовинар:

– Господи! Сотвори здесь источник, свет мне во тьме укажи!

И вот по милости Божьей море отхлынуло, обнажился покрытый белой пеной валун. Из того валуна бьет белопенный источник. Цовинар подставила под струю руку, набрала полную пригоршню воды, испила, еще подержала руку, но на этот раз полной пригоршни не набралось – иссяк родник. Цовинар испила еще полгорсти – и зачала.

То был источник живой воды!

Утром халиф со своим войском покинул страну армян и возвратился восвояси.

Царь Гагик собрал своей дочери приданое, и повезли ее в Багдад.

Халиф семь дней и семь ночей свадьбу праздновал, для Цовинар дворец построил, пищу ей туда послал, молвил:

– Ты сама этого хотела – вот я тебя здесь и заточу. Цовинар-ханум двери за собой заперла и погрузилась в скорбь.

Дети моря – Санасар и Багдасар

Немного спустя стало заметно, что Цовинар беременна.

– Что нам с ней делать? – спросил халиф.

– Много лет тебе здравствовать, халиф! Убить ее! – отвечали ему. Халиф позвал палача: – Иди вместе с визирем и отсеки этой женщине голову.

Визирь и палач пошли к Цовинар, объявили ей волю халифа. А Цовинар им сказала:

– Или у вашего царя нет закона? Нет правосудия? Отсечь голову беременной женщине – значит убить двух человек. Скажите халифу: пусть потерпит, пока родится ребенок, посмотрим, каков он, тогда пусть и голову велит мне отсечь. Знайте, – добавила Цовинар, – мой ребенок по воле божьей зачат от моря.

Визирь и палач пошли от нее к халифу.

– Много лет тебе здравствовать, халиф! Цовинар-ханум молвила то-то и то-то.

– Ну что ж, – согласился халиф. – Потерпим!

Прошло девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, и тогда Цовинар-ханум двух мальчиков родила. Старший был крепыш, младший – послабей.

Священник Меликсед окрестил младенцев над тони́ром¹. Старшему дали имя Санасар, младшему – Багдасар.

Халифа пришли поздравлять.

– Много лет тебе здравствовать, халиф! Тебе послана радость великая: у тебя родились мальчики-близнецы. Другие растут по годам, твои – по часам.

Халиф пошел посмотреть на мальчиков, – и в глазах у него потемнело от злости.

Позвал он визиря и сказал:

– Пойди с палачом к этой женщине – отсеки ей голову. Пошли визирь и палач к Цовинар-ханум. А Цовинар им сказала:

– Или у вашего царя нет закона? Или у него совести нет? Если вы убьете кормящую мать, кто же будет кормить детей? Скажите халифу: пусть подождет, пока подрастут мои детки, а тогда пусть убьет меня. Ведь мне отсюда не убежать.

Визирь передал слова Цовинар халифу.

– Что ты мне посоветуешь? – спросил халиф.

– Дай ей десять лет сроку, пока подрастут сыновья, – отвечал визирь. – Тогда и отрубим ей голову. Цовинар отсюда не убежать. Пусть сидит взаперти.

Прошло полгода. Цовинар-ханум послала к халифу сказать:

– Я не птица – почему же меня держат в клетке? Я не узница – почему же меня держат в темнице? Ты не позволяешь нам выйти на свет божий, взглянуть на солнечный лик.

Халиф сказал:

– Ну ладно, пусть погуляет с детьми.

Мальчуганы росли не по месяцам, а по дням; не по дням, а по часам. Исполнился им годик, а выглядели они пятилетними.

Прошло лет пять, а то и шесть. Стали Санасар и Багдасар могучими пахлеванами. Мать позвала священника и сказала:

– Учи моих детей, отче. Пусть они учатся читать и писать. Священник научил детей и читать и писать.

Однажды утром Санасар и Багдасар играли на улице с багдадскими детьми.

¹ печь для выпечки хлеба; устроена в земле

И вдруг те накинулись на них и стали дразнить:

– Приблудыши! Приблудыши!

Санасар сыну визиря дал оплеуху и свернул ему шею, а потом они с братом пошли домой и, обливаясь слезами, обратились к матери:

– Мать, скажи нам: кто наш отец?

– Ваш отец – халиф, дети мои, – отвечала им мать.

Сын визиря так и остался на всю жизнь кривошейкой. Визирь пошел к халифу.

– Наказанье Господне! – сказал он. – Христианские щенки каждый день калечат наших детей!

Халиф позвал к себе Санасара и Багдасара, речей их послушал, оглядел, испугался их богатырского вида и поскорей отослал к матери, а визирю сказал:

– Подростут – в бороду мне вцепятся. Надо на них управу найти. Как-то утром Санасар и Багдасар опять играли с детьми. И опять задразнили их дети:

– Приблудыши, приблудыши, приблудыши, приблудыши, приблудыши!..

И опять оба брата с плачем вернулись домой и бросились к матери:

– Мать, скажи: кто наш отец, а не то мы бросимся в реку! Цовинар сказала служанке:

– Я пойду с детьми погулять к реке – тоску развеять. На берегу реки Санасар снова обратился к матери: – Мать, скажи: кто наш отец, иначе я утоплюсь! И тогда Цовинар рассказала все:

– Дитя мое! Как-то раз я пошла с мамкой к морю. Мне страх как захотелось пить. Вдруг море отхлынуло, и потекла вкусная вода. Я выпила сперва полную, а потом неполную пригоршню воды. Вы оба от нее родились: ты – от полной пригоршни, а бедокур Багдасар – от неполной. Вот как вы произошли.

– Теперь мы узнали, кто мы такие, – молвил Санасар. – А ты кто?

– Дети мои! – отвечала Цовинар. – Я армянского царя Гагика дочь.

Прошло много времени. Санасар и Багдасар стали замечать, что мать с каждым днем тает.

– Мать! Что с тобою? – спросили они. – Ты с каждым днем таешь, плачешь, не осушая глаз. Бог подарил тебе двух сыновей-пахлеванов, ты дочь армянского царя, царица Багдада, – чего тебе недостает? От какой кручины таешь ты с каждым днем?

А царица Багдада им на это сказала:

– Ах, дети мои! Как же мне не таять? Не сегодня-завтра халифовы палачи придут и отрубят головы мне и вам.

Санасар расхохотался:

– Так вот оно что? Ну хорошо, посмотрим, как это они отрубят нам головы!

И вот прошло десять лет. Халиф позвал палачей и велел:

– Ступайте отрубите им головы.

Санасар с Багдасаром сидят у себя на скамейке, покрытой ковром, шутят, хохочут, а в соседней комнате плачет мать. Палачи вошли к ней.

– Нынче будем головы вам рубить, – объявили они.

– А руки у вас поднимутся на моих деток? – спросила Цовинар-ханум.

Главный палач ей на это сказал:

– Поднимутся не поднимутся, а что нам делать? Такова воля халифа.

– Тише! – сказала Цовинар. – Деток моих испугаете. Пусть еще немного поиграют и посмеются. А вы покуда сядьте да отдохните. – Нет, – сказал главный палач, – нам не велено садиться. Вставайте, идем во двор.

Если здесь отрубить вам головы, то мы кровью зальем дворец.

– Тише! – снова промолвила Цовинар. – Не пугайте деток!

– А мне что? – крикнул главный палач. – А ну пошевеливайтесь!

Санасар услышал его голос. Отворил дверь, смотрит: в комнате матери стоят с мечами наголо палачи.

– Вы что за люди? Что вам здесь нужно? Цовинар шепотом сказала палачам:

– Не говорите моим деткам, что вы пришли отсечь им головы. Выведите их из комнаты, станьте по сторонам и рубите им головы так, чтобы они ничего не успели увидеть, чтобы они не успели испугаться.

– Ладно, – молвили палачи.

– И еще у меня есть к вам просьба: сначала убейте меня, а потом моих деток.

– Матушка! Куда ты? – спросил Санасар.

– Сейчас приду, моя деточка.

– Тут что-то не так. Куда они тебя ведут? Я не пущу...

– Хочешь правду знать, сынок? Халиф послал этих людей, чтобы они отсекли мне голову.

Санасар подошел к главному палачу:

– Это ты будешь рубить моей матери голову?

– Халиф велел всем вам головы с плеч долой, – отвечал палач.

– Ну так вот же тебе наши головы!..

И тут Санасар так хватил главного палача по лицу, что голова у палача отлетела – только туловище на ногах держится. А подручные наутек – и к халифу.

– Много лет тебе здравствовать, халиф! Твой сын так хватил главного

палача по лицу, что голова у него отлетела – только туловище на ногах держится.

Халиф послал против Санасара и Багдасара войско. Санасар с Багдасаром еще засветло успели перебить половину этого войска и вернулись домой.

На другой день халифова рать уже не появилась.

Халиф приказал полководцу: – Ударь на гяуров!

– Нет, падишах, – возразил полководец, – нам этих пахлеванов не одолеть. Они силачи, разрушат они твоё царство, лучше с ними не связываться.

Понял халиф: выхода нет. Смягчился, сказал:

– Теперь я уверился: Цовинар невинна, а богатыри зачаты ею от моря. Цовинар мне жена, а ее дети будут моими детьми.

Бегство халифа

Протекли годы.

Халиф вновь собрал войско, чтобы идти войной на армянскую землю.

Цовинар сказала:

– Халиф, послушайся ты меня: не вой!.

– Почему?

– Я видела сон: мелкие звезды накинудись на большую звезду. Большая звезда блеснула – ниже, ниже и, наконец, упала возле наших ворот.

Халиф рассмеялся.

– Разумница моя Цовинар! Ты спишь в свое удовольствие, а сны за других видишь. Нет! Пока я молод, я должен воевать.

– Воля твоя, – молвила Цовинар, – но ведь ты же дал слово моему отцу.

– Я раздумал, – отвечал халиф. – Пойду на него войной, соберу дань за десять лет. ...

Пришел халиф со своею ратью, осадил Берд-Капутин.

Семь лет длилась война.

Ни людям, ни скоту нельзя было выйти из города. Поля оставались невспаханными, незасеянными, в целину превратились. Все в городе вздорожало. Цены так поднялись, что и за золотой хлеба не купишь. Люди умирали с голоду.

– О Господи! – говорили друг другу горожане. – Неужели мы когда-нибудь наедемся досыта?

Царь Гагик скорбел душой, думу тяжкую думал, наконец набрал отважных юношей, составил из них полки. Когда смерклось, он отдал тайное распоряжение:

– Без моего приказа в бой не вступать!

В полночь, когда все стихло, царь Гагик крикнул:

– С нами Бог! В бой!

И бой завязался. Вражеское войско дрогнуло. Передовые отряды противника побежали, тыловые части стали их рубить. Кери-Торос и все юные бойцы с мечами и пиками врезались в самую гущу вражеских войск, крушили их, крошили, уничтожали. В этой яростной сече арабы друг друга не узнавали – били, рубили, убивали своих же.

Халиф пребывал в одиночестве. Как увидел он, что его люди уничтожают своих и что бой приближается, сел на дамасского верблюда и пустился в бегство, взывая к идолам:

– Спасите меня, идола мои, вырвите меня из рук армян, дайте мне благополучно возвратиться домой, а я своих сыновей Санасара и Багдасара в жертву вам принесу!

Вновь увидела сон Цовинар: будто в каждой руке у нее по свече, и те свечи, кажется, вот-вот погаснут, а то вдруг разгорятся еще жарче и ярче.

Цовинар встала в кромешной тьме, позвала сыновей и сказала:

– Халиф – в беде, и дал он обет своим идолам принести вас обоих в жертву. Спасайтесь, дети мои! Бегите в страну армян. Ночью укажет вам дорогу ясная звезда, днем спрашивайте, где страна армян, спрашивайте и мчитесь.

Санасар сказал:

– Едем, Багдасар. Мы могли бы одним ударом сразить и халифа и все его войско, да что в этом проку! Чужбина никогда не заменит нам родину.

Тут мальчики встали, взяли каждый по луку, палице и мечу, взяли с собой в дорогу еды, вывели двух ретивых коней, сели, подъехали к матери, поцеловали ее, сказали:

– Прощай, матушка! Пусть теперь халиф приносит нас идолам в жертву!

Помолились своему богу и ночью пустились в путь.

– Армянская земля, где ты?.. Мы спешим к тебе.

На утренней заре Цовинар поднялась на дворцовую кровлю поглядеть, как далеко отъехали от города ее сыновья. И что же она видит! Едет халиф на дамасском верблюде, без войска, без полководцев. Почернел халиф, ровно смола. Вот он спрыгнул с верблюда и бросился прямо к воротам.

Цовинар-ханум молвила:

– Здравствуй, халиф! Ой, что это с тобою случилось? Семь лет о тебе добрая шла молва. Что же случилось? Где твое войско? Где полководцы?

Халиф ей на это ответил:

– Ох, жена! Гяуров я прижал к стенам города и уж думал: настал их последний час, город сдастся, как вдруг на заре посыпался огненный град на войско мое и на полководцев, огненный меч пламенел меж рядами, наши крушили друг друга, крошили, уничтожали, я сам чуть было в плен не попал, да сел на верблюда – и скорее домой.

Прошло еще некоторое время. Однажды халиф сказал:

– Знаешь что, царская дочь?

– Нет, не знаю, царь.

– Мои идола жертвы хотят.

– За чем же дело стало? Экий ты недогадливый! Разве нет у тебя овец или жирных телок? Зарежь и принеси их в жертву!

– Нет, – молвил халиф, – мои идола хотят человечины. Я в тот день обещал им за свое спасенье твоих детей.

– Бога ты не боишься! – сказала Цовинар. – Разве дети мои – не твои дети? Делай как знаешь. Возьми зарежь моих детей. Но только где сейчас Санасар, где Багдасар? Где твои идола? Где мои дети?.. ...Санасар с Багдасаром всё гнали и гнали коней, наконец приблизились к городу Мушу и предстали перед царем Мушегом. Семь раз склоняли они головы, затем сложили на груди руки и стали как вкопанные.

Царь Мушег спросил:

– Что вам, дети мои? В чем вы нуждаетесь?

– Мы ни в чем не нуждаемся, – отвечали они. – На небе заступник наш – Бог, а на земле – ты, государь. Прими нас под свою державу, оберегай нас, пусть взор твой будет покровителем нашим, а уж мы в долгу у тебя не останемся.

– Чьи же вы дети?

– Халифа багдадского, – отвечали они.

– Коли так, – рассудил царь Мушег, – я вас не смею задерживать. Отец ваш могуч. Он придет, добычу у нас возьмет, подданных моих в плен угонит. Нет, не могу я вас приютить. Ступайте с Богом!

Санасар и Багдасар покинули тот край и дорогой надумали, куда им идти.

Пришли они в Арзрум, к эмиру, стали перед ним, поклонились. Оба брата были широки в плечах, настоящие богатыри – любо-дорого было на них смотреть. Эмиру оба пришлись по душе, и спросил он:

– Что вы за люди? Какого племени? Из какого края?

– Мы сыновья халифа багдадского, – отвечал Санасар. Эмир насупился и сказал:

– Ай-ай-ай!.. Мы от их мертвецов бежали, а наткнулись на живых. Нет, я вам не покровитель! Ступайте туда, откуда пришли.

Дорогой Санасар сказал Багдасару:

– Слушай, брат: ведь мы от халифа бежим. Так зачем же мы его имя на шею себе навязали? Не будем больше называть поганое имя, а то мы так покровителя и не сыщем. Вперед, когда спросят, скажем: «Нет у нас никого – ни матери, ни отца, ни дома, ни отчизны».

И вот прибыли они в крепость Маназкерт. Сидел в той крепости царь Теваторос. Братья остановились у ворот. Царская стража окликнула их:

– Вы откуда? Чего вам надобно?

– Царю послужить хотим. Доложили о них царю.

Царь позвал братьев к себе. Семь поклонов отвесили они царю, сложили на груди руки и стали как вкопанные. Теваторосу приглянулись златокудрые эти красавцы, и он спросил их:

– Зачем вы сюда пришли, дети мои?

– На небе заступник наш – Бог, а на земле – ты, государь. Прими нас под свою державу, оберегай нас, пусть взор твой будет покровителем нашим, а уж мы в долгу у тебя не останемся.

– Вы откуда, из какой: страны?

– Сами не знаем.

– Отец и мать есть у вас, родина есть?

– Ничего у нас нет, – отвечали они. – Ни дома, ни семьи, ни родины.

С тех пор как нас мать родила, мы ни разу не видели ни ее, ни отца, мы – круглые сироты.

– А зачем скитаетесь? Зачем явились сюда?

– Хотим тебе послужить.

Их ответ царю тоже понравился, и сказал царь:

– Проведите этих юношей в чистую горницу, накормите их и спать уложите. Отныне быть Санасару моим стольником, а Багдасару – виночерпием.

Еще один год прошел.

Однажды разбойники угнали городское стадо. Визирь сказал царю:

– Давай испытаем Санасара и Багдасара. Посмотрим, какова у них сноровка, смогут ли они наше стадо отбить у разбойников.

– Добро, – молвил царь.

Отобрал он тридцать всадников и хотел послать их вместе с богатырями вдогон за разбойниками. Но Санасар сказал:

– Много лет тебе здравствовать, царь! Всадники нам не нужны. Мы и без них обойдемся.

Взяли они оружие, вскочили на коней и поскакали. Настигли разбойников, схватили, побили. Стадо освободили, разбойников вместе со скотиной в город погнали.

Царь обрадовался и с того дня возлюбил еще больше обоих братьев.

В одно прекрасное утро Санасар с Багдасаром пошли погулять по городу. Видят: на площади ребята, заграждаясь щитами, играют в войну, палками друг дружку охаживают.

Решили братья:

– Давай играть с ними! Стали играть. Кого ни хватят по щиту, тот без чувств падает наземь. Царь про это узнал и позвал к себе братьев.

– Ребята! – говорит. – Что вы делаете? Разве так можно?

– Много лет тебе здравствовать, царь! – отвечали братья. – Мы же не нарочно – это мы так играли.

– Вы же богатыри, вы себя с ними не равняйте. Вперед так не делайте.

– Больше не будем.

Царь отпустил их, позвал визиря и сказал:

– До сих пор они были уверены, что среди нас есть настоящие мужчины. Сегодня они узнали, что сами они мужчины, а наши ребята – бабы.

– Государь! Выгони ты их из города! – молвил визирь. – А то гляди: беды с ними не оберешься.

И задумался царь.

Спустя несколько дней братьев предупредил один из их товарищей:

– Государь разгневался, хочет вас отсюда прогнать. Обиделись братья.

– Багдасар! Нам здесь пристанища не найти, – сказал Санасар. – Уйдем отсюда и построим себе дом.

– Будь по-твоему, братец, – сказал Багдасар. – Идем!

Сасун

Царь Теваторос пробудился от сна, глядит: ни Санасара, ни Багдасара при нем нет.

Он позвал их, спросил:

– Чем вы недовольны, дети мои? Что случилось? Санасар молвил:

– Государь! У нас просьба к тебе. – Какая просьба?

– Отведи нам уголок в твоём царстве. Мы дом поставим себе. Царь подумал-подумал да и говорит:

– Сын мой! Наследника у меня нет. Умру – страна моя достанется вам, вот и будет вам дом.

– Нет, – отвечал Санасар, – на это мы не согласны. Отведи нам уголок. Не отведешь – возьму брата за руку, и пойдем мы с ним дальше по белу свету.

Сжалился царь над ними:

– Коли так, сын мой, ищите сами уголок на моей земле. Где понравится, там и стройте себе дом.

На заре братья тронулись в путь. Долго ли, коротко ли – видят они: течет по долине большая река, а с высокой горы сбегает ручеек, вливается в реку, перерезает ее, светлый след

за собой оставляет, бьет в противоположный берег, затем оборачивается, сливается с рекой и течет вместе с ней. Братья в изумлении переглянулись.

– Ну и диво! – сказал Багдасар. – Ручеек перерезает широкую реку! Что это за таинственный источник?

Санасар подумал-подумал да и говорит:

– Это богатырский родник. Кто напьется воды у его истока, тот станет могуч, как сама эта вода, и никто уже его на лопатки не положит.

– Да ну? – удивился Багдасар. – Так что же нам делать?

– Хлеб, вино, вездесущий Господь!.. – воскликнул Санасар. – Отыщем исток этого ручейка и там построим себе дом. Мы сильны, и вода сильна. Кто напьется этой воды, тот превратится в богатыря, всех на свете сильнее станет. И сын его будет силач и сильных внуков ему родит, и у внуков родятся сыновья-силачи.

– Воля твоя, старшой, – сказал Багдасар.

Перебрались они на тот берег, пошли берегом ручья, всё выше и выше, и наконец глазам их открылся невиданный мир: горы, а на горах еще горы, ущелья, а в ущельях опять ущелья, бездны, пропасти, скалы, утесы, за лесами снова леса. Медведи, тигры и львы, завидев друг друга, в страхе разбежались. Кругом ни жилья, ни души. Прекрасный край!..

Братья отыскивали исток, напились воды. Санасар сказал:

– Хороша вода! Давай здесь крепость построим! Очертили братья место, где стоять крепости, сели у истока, поели, выпили еще этой живой воды, дали имя ключу Катнахбур, что значит Молочный родник, и вернулись в Маназкерт.

На заре вновь предстали они перед царем.

Царь спросил:

– Ну как, дети мои, нашли место для вашего дома?

– Нашли, бессмертный царь! – отвечал Санасар. – А теперь у нас еще одна просьба к тебе. Жить там будет тоскливо. Как мы там будем коротать время вдвоем? Пошли с нами несколько бедных и несколько богатых семей: пусть пойдут с нами, пусть рядом строят дома, а вечерами мы будем собираться, беседовать, весело проводить время, все будем жить в одном городе.

Царь послал с ними сорок семейств. Ну уж и семьи! В каждой семье по одному ослу да по одному веретену.

Утром царь отправил в город визиря. Тот собрал сорок семейств, дал им сорок мешков муки, сорок мешков всякого другого добра и сказал: «Ступайте!»

Санасар и Багдасар простились с царем, вместе со всем караваном поднялись в горы и наконец достигли Молочного родника, добрались до того места, где порешили они крепость воздвигнуть.

Багдасар спросил старшего брата:

– Что будем строить сперва – крепость для нас или дома для них?

– Сперва дома, а потом уже крепость, – отвечал Санасар. – Тяжел беднякам палящий зной.

Начали с домов.

Санасар выкапывал в день выемки для десяти домов, а Багдасар камни и бревна таскал – строили вдвоем. Много деревьев вместе с корой притащили с вершины горы, под стропила дома подвели, крыши покрыли, выстроили дома. За четыре дня сорок домов поставили. Кому строили, у того и кормились. У кого кормились, у того опустели и мешки и корчаги.

Когда все новоселы разместились в домах, братья взялись за крепость.

Санасар приволок большущие камни, Багдасар – стволы исполинских деревьев. Потом оба в город пошли, мастеров, рабочих позвали и привели.

Главный мастер на камни взглянул – ужаснулся: – Санасар! Как будем строить? У меня сил не хватит поднять эти утесы.

– Кто же поднимет? – спросил Санасар.

– Никто.

Тогда Санасар сказал:

– А ну-ка, мастер, натяни нить и покажи, куда камни класть. Я каждый камень положу на место.

Вот так и воздвигли они крепость. Ствол на ствол возносили, столб на столб громоздили. Целый год трудились, через год выстроили крепость. А построив крепость, построили церковку.

– Ну хорошо, – сказал Санасар, – крепость мы возвели, а как нам назвать ее?

– Как хочешь, братец, – отвечал Багдасар. – Строить было нашим общим делом, а назвать – дело твое.

Братья прохожих останавливали. Просили: – Дайте крепости нашей название. Никто не мог придумать ей достойное имя.

Поутру Санасар вышел пройтись. Смотрит: седой старик землю пашет. Взял Санасар старика за руку и сказал:

– Не бойся, дедушка! Пойдем к нам в гости.

Пошли. Санасар угостил старика, побеседовал с ним. Наконец спросил:

– Дедушка! Ты знаешь, зачем я тебя к нам привел?

– Эх, молодо-зелено! Почему же я знаю, зачем ты меня привел?

– Ну так вот, – сказал Санасар. – Мы эту крепость только что построили, а назвать еще не назвали. Ты много по свету бродил, много ума нажил – дай нашей крепости достойное имя.

– Вот что, сынок, – промолвил старик. – Сейчас темно, завтра утром встанем, я погляжу на вашу крепость и подходящее название для нее подыщу.

На рассвете взвалил Санасар старика себе на плечи и понес вокруг крепости: вынес из восточных ворот, а вечером к тем же воротам принес.

– Что скажешь, дедушка? – спросил Санасар.

Старик опять в изумлении поглядел на крепость, на ее скалистые стены, что уступами поднимались ввысь, на клиновидные башни, посмотрел-посмотрел и сказал: – Ну, храни вас господь! Знать, сила у вас богатырская, коли вы эти дикие, эти яростные скалы взнесли, коли вам удалось эти огромные – эти *сасунские* камни поднять, столб на столб взгромоздить.

Обрадовался Санасар:

– Стой, дедушка! Больше – ни слова! Имя нашей крепости будет *Сасун*, имя страны – *Сасунское царство*.

Конёк Джалали и меч-молния

Как достроили, dokonчили крепость, Санасар обратился к брату:

– Багдасар! Пойдем к морю, доброго коня добудем. Рожденные от моря, чуяли они, что есть в море конь-огонь. И пошли они к морю.

Санасар сказал:

– Пойдем прямо по морю и увидим, тонет человек в воде или нет. Багдасар отказался:

– Нет, брат. Мне жизнь дорога. Я в море не кинусь.

– Ладно. Ты подожди тут, а я пойду.

И вот по воле божьей расступилась вода. Санасар увидел перед собой сухое дно, Багдасар видел перед собой воду.

– Ой-ой-ой! Поглотила брата пучина морская! – закричал Багдасар и упал замертво.

А Санасар тем временем по дну морскому шел, точно посуху; шел, шел и наконец достиг самой что ни на есть глубины. Там был подводный сад, а в саду водоем. Там стоял дворец, а перед дворцом сверкал водомет. Там был привязан конь, на коне седло перламутровое и меч-

молния. И еще увидел Санасар церковь. Как вошел Санасар в церковь, так и задремал, на пол упал и сон увидал – стоит перед ним Божья мать и говорит:

– Эй, Санасар, подымись! Тут стоит Ратный крест – стань перед ним, семь раз поклонись, помолись. Если ты достоин его, он – твой. Приложи его к правому плечу – и ты всех одолеешь, с ним тебе вражьи мечи не страшны. Вон стоит морской конек Джалали, на нем с неба упавший меч-молния. Конь оседлан, от нетерпенья грызет удила. Если ты достоин его, он – твой. Здесь есть потайной ларь. Открой и бери себе бранную справу:

Бранный кафтан,
Бранный кушак,
Бранный шелом,
Бранные сапожки,
Бранный щит,
Грозный меч,
Копье, лук, стрелу.

Всё возьми себе, искупайся в водоеме – и ты окрепнешь, в семь раз станешь сильнее и достигнешь всего, чего хочешь.

Санасар пробудился от сна, молвил:

– Неужто мне это снилось?

Открыл ларь и увидел в нем все, о чем слышал во сне. Примерил бранный шелом, видит: целый пуд хлопка надо туда запихнуть, чтобы шелом не сползал ему на плечи. Примерил бранные сапоги – по пуду хлопка надо туда запихнуть, чтобы были они ему впору. Бранный кушак семь раз обвил его стан.

Вышел Санасар из церкви, пошел к водоему, сбросил одежду, искупался, испил ключевой воды и уснул. Пока спал, он по воле Божьей вытянулся, раздался вширь, богатырем настоящим стал, а как проснулся, пошел надевать доспехи -

И бранный кафтан впору теперь ему,
И бранный кушак впору теперь ему,
И бранный шелом впору теперь ему,
И кованные сапожки впору теперь ему.

Тут он семь раз поклонился, прочел молитву – и Ратный крест снизошел к нему на правое плечо. Санасар приблизился к Джалали, взял меч-молнию и совсем уж было собрался вскочить на коня, Но Джалали заговорил человеческим голосом:

– Чего тебе надобно, Санасар?

– Хочу сесть на тебя.

– Я умчу тебя к солнцу, сожгу!

– Я от моря рожден, я под твоим брюхом укроюсь.

– Я оземь ударю тебя – и ты уйдешь в землю.

– Я рожден от огня, я на спину к тебе вспрыгну. Санасар схватил поводья, вскочил в седло.

Конь взметнул всадника, чтобы тот сгорел от солнечного жара, – всадник спрятался под брюхо коня. Конь ринулся вниз, чтобы вдавить его в землю, – всадник взмолился на спину коня. Конь летал то вверх, то вниз, метался из стороны в сторону, к земле припадал, на дыбы взвивался, на губах у него выступила кровавая пена, но сбросить Санасара он так и не сбросил. Наконец укротился, смирился, сказал:

– Ты мой хозяин, я твой конь.

Санасар слез с коня, в глаза его поцеловал, к брату на берег морской поскакал.

А Багдасар сидит на камне и плачет. Вдруг видит он: идет гора верхом на горе. «Что же это за чудище? Оно меня сожрет», – подумал Багдасар и скорей бежать.

А Санасар ему вслед:

– Это я, Багдасар, не бойся!

– Ой-ой-ой! – закричал Багдасар. – Он брата моего утащил в море, а теперь идет за мной.

Санасар за ним вскачь, догнал, молвил:

– Чего ты, молодец, плачешь?

– Как же мне не плакать? Был у меня один-единственный брат, да и тот бросился в море и утонул. И остался я один на всем свете. Кому ж еще плакать, как не мне?

– Багдасар! Если ты встретишь брата, узнаешь его?

– Еще бы! Как не узнать!

– Да ведь я же и есть твой брат.

– Как бы не так! Мой брат был не такой громадный, он только на локоть был выше меня.

Да и где бы нашел он блестящие эти доспехи, меч-молнию, борзого коня?

Санасар спешил, поцеловал брата в лоб и сказал:

– Багдасар! Я – твой брат, я – Санасар. Не плачь, не бойся. Ведь мы оба с тобой рождены от моря. Эти доспехи, оружие и Конек Джалали спрятаны были для нас на дне морском. Я их сыскал и вытащил на свет Божий. Посмотри мне в глаза – и ты узнаешь меня.

Багдасар обрадовался, поцеловал брата в голову и сказал:

– Братец! Пока ты не скрылся у меня из глаз, мне было не страшно.

А как скоро скрылся, я сел и заплакал.

Братья еще раз поцеловались и пошли домой.

Прошел месяц. Стал Санасар замечать: брат пожелтел с лица, поскутнел – видать, заболел...

– Что с тобой, брат? Отвечал Багдасар:

– Я не сплю по ночам. Вот уж месяц, как главный идол является мне в обличье козла, до рассвета блеет у меня над головой, прыгает, спать не дает. Я в Багдад пойду: или халиф идолу в жертву меня принесет, или уж я халифа.

– Я тебя одного не пушу, – сказал Санасар. – Мы вместе пойдем, халифа убьем, вызволим нашу несчастную мать.

Пришли братья в Багдад. Доложили визири халифу:

– Тебе радость – сыновья твои пришли. Обрадовался, халиф, сказал визириям:

– Вот вы меря попрекали тем, что я их не устерег. Удостоверились вы теперь, сколь могучи идолы? Они жертвы свои притянули – жертвы пришли к ним сами.

Поднялся халиф на дворцовую кровлю, подбоченился, ходит взад и вперед. Как увидел он беглецов, завопил:

– Собачьи дети! Где, в какой преисподней укрывались вы столько лет? Видно, было вам невдомек: куда бы вы ни ушли, главный идол все равно притянул и вернул бы вас.

– Батюшка, родимый! – сказал Санасар. – С тех пор как нас мать родила, мы не видели света. Мы пошли свет поглядеть – и обо всем позабыли. А потом бросились на восток, бросились на запад – нет нам спасенья от главного идола. Он являлся нам по ночам, спать не давал.

А Халиф злорадствовал:

– Так, так, так!.. Ну пойдемте, я принесу вас в жертву багдадским идолам.

– Много лет тебе здравствовать, халиф! – отвечали братья. – Ведь мы царевичи, и сан наш не позволяет, чтобы нас закололи тихонько.

Позови всех твоих подданных в капище, чтобы все на жертвоприношение могли поглядеть и прославить идов.

– Ин будь по-вашему, – молвил халиф. Санасар с Багдасаром пошли к Цовинар.

А Халиф указ написал и послал гонцов в города и села созывать на праздник жертвоприношения. Отовсюду потекли толпы, собралось видимо-невидимо разного люду, все поле усеял народ – иголке негде было упасть.

Многие злорадствовали, а многие плакали.

Санасар с Багдасаром взойшли по ступеням в капище. Халиф с мечом наголо стоял возле главного идола.

– Я идолопоклонник, а вы крестопоклонники, – сказал он. – Я вас обезглавлю. Поглядим, как-то вам поможет ваш Бог!

Санасар нащупал под кафтаном меч-молнию.

– Ты обоих нас сразу убьешь? – спросил он.

– Да, я обоих вас принесу идолам в жертву.

– Хлеб, вино, всемогущий Господь! – воскликнул Санасар, взмахнул мечом и нанес халифу удар.

Голова у халифа свалилась, а туловище осталось стоять на ногах.

Багдасар поднял одного из малых идолов, хватил им по главному идолу, молвил:

– Поглядим, как-то вам идолы ваши помогут!

Голова у главного идола слетела, а туловище осталось на месте.

Люди выбежали из капища, разнесли молву по всему городу. Халифово войско окружило капище. Санасар с Багдасаром вышли на площадь; один держал в руке меч-молнию, другой – вместо палицы – медного идола. Конек Джалали как завидел хозяина, зубами, копытами, хвостом пробил себе дорогу в толпе, подбежал. Братья вскочили на него и дважды промчались из конца в конец площади. Пыль столбом поднялась и затмила солнце. Полегло халифово войско – циновкой по земле расстелилось.

А Санасар с Багдасаром пришли во дворец, поцеловали матери руку, гранатного вина выпили, попиروвали на славу.

Несколько дней спустя двинулись они в Армению и взяли с собою мать. В окрестностях Берд-Капутина у студеного ключа шатер разбили.

Царь Гагик и Кери-Торос, узнав про то, пошли им навстречу, кинулись друг другу на шею, расцеловались от радости и смеялись и плакали.

Потом во дворец пошли и семь дней и семь ночей пировали и веселились.

А как семь дней прошло, сказал царю Санасар:

– Дедушка! У меня к тебе просьба.

– Проси чего хочешь.

– Мы себе дом построили. Отпусти нас домой.

– Дитя мое! – сказал царь. – Наследника у меня нет. Умру – царство мое достанется вам, это и будет ваш дом.

Отвечали ему Санасар с Багдасаром:

– Много лет тебе здравствовать, царь! Мы с тобой повидались. Слава богу, ты жив-здоров, тоска наша прошла. А теперь отпусти нас домой.

И стали они собираться в Сасун. Цовинар посоветовала сыновьям:

– Сыны мои! Просите у царя Черную гору, Чапахджур, Мараткаджур и Коде.

Коли поклянется он вам хлебом, вином и вездесущим Господом, то отдаст.

Санасар вновь предстал пред царем:

– Дедушка! Еще у нас есть просьба к тебе.

– Сын мой! Кроме души, чего ни попросишь – хлебом и вином клянусь, – отдам!

И отдал царь Гагик своим внукам Черную гору, Мараткаджур, Чапахджур и Коде. Цовинар-ханум и ее сыновья собрались и отправились в путь.

Присоединился к ним и Кери-Торос. Впереди ехал Санасар.

И вот взобрались они на гору и въехали в крепость Сасун. ...Могуч был Санасар.

От Черной горы до горы Цмакакит, от Муша до горы Сехансар, до берегов реки Мурад – все объединил он под своей рукой, страну по имени своей крепости назвал – Сасун. И стал он царем сасунским.

Молва о Санасаре прошумела по всему свету.

Сила крылья славе дала,
Слава силу крыльям дала.

Уж Санасар дошел до Ангхадзора, до Батманского моста, до Мсыра.

Как прослышали о том чужеземцы, сказали друг дружке:

– Братцы! Чего мы тут сидим? Досидимся, пока лиходеи вконец разорят нас. Пойдемте в Сасун, право, пойдемте! Там властвуют Санасар с Багдасаром, два пахлевана могучих и справедливых. Там ни с кого не берут ни поборов, ни податей и никого не грабят.

С этими мыслями чужестранцы начали мало-помалу перебираться в Сасун.

Сасун разросся, стал большим, многолюдным.

Часть вторая

Дехцун-Цам

О чем же мы теперь рассказ поведем?

Поведем мы рассказ о Медном городе и о дочери царя каджей – о красавице Дехцун-цам.

Слава Санасара и Багдасара все росла, разнеслась по всему свету и наконец дошла до Медного города, до дочери царя каджей, сорокакозой Дехцун-цам.

Налила девушка полный кувшинчик воды, яблочком его заткнула, потом взяла другой, пустой кувшинчик, тоже яблочком его заткнула и написала Санасару письмо:

От дочери царя каджей, от Дехцун-цам Санасару душевный привет.

Юный Санасар! Сердце мое чисто, словно пустой кувшинчик, голова моя, словно полный кувшинчик, полна. Господь одарил меня щедро. Сорок женихов из сорока стран просили моей руки, – я всем отказала. Тебя я увидела во сне, и ты пришелся мне по сердцу. Долго ли мне тебя ждать? Приезжай за мной! Как получишь мое письмо, приезжай! Если даже ты намылил себе голову, то бриться приезжай сюда.

Написала, начертила свой облик, рисунок вложила в письмо, двух девушек позвала, письмо с кувшинчиками привязала им к крыльям, молвила:

– Летите в Сасун, проберитесь через дымоход, бросьте письмо на постель к Санасару, а кувшинчики поставьте у него в изголовье.

Девушки-чаровницы преобразились в белых голубок, в Сасун прилетели, на кровлю спустились, заглянули в дымоход, видят: спит молодой парень, цветущий, румяный, такой румяный, что мог бы солнцу сказать: ты, мол, зайди, а я за тебя посвечу.

Девушки шепнули друг дружке:

– Это и есть Санасар!

Влетели в дымоход, бросили письмо на постель, кувшинчики в изголовье поставили и полетели назад, в Медный город.

Багдасар на рассвете проснулся, надел кафтан, смотрит: на постели у него письмо. Взял, раскрыл, прочитал:

От дочери царя каджей, от Дехцун-цам Санасару душевный привет.

Юный Санасар! Сердце мое чисто, словно пустой кувшинчик, голова моя, словно полный кувшинчик, полна. Господь одарил меня щедро. Сорок женихов из сорока стран просили моей руки, – я всем отказала. Тебя я увидела во сне, и ты пришелся мне по сердцу. Долго ли мне тебя ждать? Приезжай за мной! Как получишь мое письмо, приезжай! Если даже ты намылил себе голову, то бриться приезжай сюда.

– Ай-ай-ай! – сказал Багдасар. – Брат женится, не сказавшись мне, посватался без моего ведома, от меня таится, меня ни за что считает!..

Разгневался Багдасар, сел на постели, из комнаты не идет. Вдруг увидел он изображение девушки, увидел и обомлел; из носу кровь у него потекла, он упал без чувств, а когда наконец опамятовался, то сказал себе:

– Клянусь Богом, не сяду я больше за его стол и не буду с ним есть. Вскочу на своего коня, в далекие края умчусь, без вести пропаду. Сложил письмо, сунул за пазуху, в сердце затаил злобу. С Санасаром не разговаривает; тот его спрашивает – Багдасар не отвечает.

Санасар с матерью утром встали, скатерть постелили, сели за стол – Багдасар не идет.

Мать к нему пошла.

– Багдасар! Чего ты завтракать не идешь? Что с тобой? Уж не захворал ли ты?

Отвечал Багдасар:

– Если б не ты, моя мать, а кто другой эту дверь отворил и вошел, я разорвал бы его на куски.

– Да почему? – спросила Цовинар. – Что случилось, сынок?

– Черт бы меня, Багдасара, побрал!

Мать, сколько ни старалась, ничего у Багдасара не выпытала. И тут она вспомнила, что на берегу моря она выпила полную пригоршню чистой воды и неполную пригоршню мутноватой воды. «Верно, оттого, – подумала она, – Багдасар послабей брата будет и слегка взбалмошным уродился».

Вечером Санасар возвратился с охоты, поздоровался – брат не ответил. Санасар спросил:

– Братец! Чем ты недоволен?

– Или я тебя убью, или ты меня! – отвечал Багдасар.

– Почему? За что?

– Сам знаешь, за что!

– Ничего я не знаю. Скажи, так узнаю.

– Нет, – сказал Багдасар, – ты знаешь, только скрываешь от меня.

– Я ничего от тебя втайне не делал.

– Нет, делал! – крикнул Багдасар. – Мы должны биться. Или я паду, или ты.

Мать засмеялась:

– Санасар! Уведи брата в поле и поиграй с ним в войну, так у него злость и пройдет. Что-то парень, верно, слышал. А может, во сне ему что приснилось?

Санасар с Багдасаром выехали в поле, сошли с коней, схватились, и началось единоборство. До самого полудня кости друг другу ломали.

Земля дрожала у них под ногами.

В полдень встревожилась мать:

– Что-нибудь случилось! Их нет как нет! Пошла на поле битвы и как увидела сыновей, дыхание у нее захватило.

От ужаса хлопнула она себя ладонями по коленям. Санасар бьет шутя, а Багдасар бьет изо всей силы-мочи. Мать громким голосом закричала:

Ветер, летящий с гор!

К Торосовым мчись дверям —

Пусть он во весь опор

Скачет к богатырям!

Еще час подождала мать, видит: Багдасар слабеет, еле стоит на ногах, но все еще яростно бьется. А Цовинар плачет, зовет:

Ветер, о ветер морей!

К Торосу несись скорей —

Пусть он сюда летит,

Богатырей усмирят!

Санасар продолжал бить шутя. Багдасар бил изо всей мочи. Санасар спросил:

– Брат! Неужто ты бьешь изо всех сил, чтобы убить меня?

– Да, – пыхтя, отвечал Багдасар. – Либо я тебя нынче убью, либо ты меня.

Осердился тут Санасар, по лицу ударил Багдасара – тот без чувств грянулся оземь с коня. Санасар спешился, застонал:

– Пусть ослепнут мои глаза! Что я наделал! Не рассчитал своих сил – брата убил!

– Подбежали мать и сын к Багдасару. Санасар взвалил его на плечи, принес домой, растер ему сердце, живот – очнулся Багдасар. И тут у него из-за пазухи выпало письмо. Санасар подобрал с полу письмо и прочел:

Юный Санасар! Сердце мое чисто, словно пустой кувшинчик, голова моя, словно полный кувшинчик, полна. Господь одарил меня щедро. Сорок женихов из сорока стран просили моей руки, – я всем отказала. Тебя я увидела во сне, и ты пришелся мне по сердцу. Долго ли мне тебя ждать? Приезжай за мной! Как получишь мое письмо, приезжай! Если даже ты намылил себе голову, то бриться приезжай сюда.

Пока Санасар письмо читал, Багдасар снова лишился чувств. Санасар снова растер ему сердце, просил, умолял, в чувство привел, молвил:

– Брат мой родной! Так ты из-за этой бумажки со мной враждовал?

– Да, – отвечал Багдасар, – я потому с тобой враждовал, что о тебе идет слава, а обо мне нет. Дехцун-цам из Медного города тебе прислала привет, а мне не прислала.

– Брат мой единокровный! – воскликнул тут Санасар. – Из-за ее привета ты так разгневался, что порешил убить брата. Коли так, Дехцун-цам мне не нужна – бери ее себе в жены.

– Брат! – сказал Багдасар. – Ты гордость моего сердца, ты корона и венец моей головы. Я не знал, что ты настолько сильнее меня телом и шире душой. Давай помиримся. Вперед поднять на тебя руку я буду почитать за грех. Я – младший твой брат, ты – старший мой брат. Впредь, что ни скажешь, послушаюсь и подчинюсь. Даю тебе полную волю: привози девушку и женись на ней.

Санасар поцеловал брата в голову и сказал:

– Девушка мне не нужна. Коли хочешь, поезжай и женись на ней.

– Нет, – возразил Багдасар. – Дехцун-цам письмо тебе писала, во сне тебя видала, она – твоя. Чего же ты ждешь? Собирайся в дорогу, садись на коня и поезжай с Богом.

– Не хочу, – сказал Санасар, – Дехцун-цам – чародейка, она рассорила нас.

Багдасар опять рассердился:

– Говорят тебе, поезжай! Слава о нас до нее долетела, и она нам письмо написала. Если ты не поедешь, то это унижит нас. Люди скажут:

не сумели мы увезти к себе девушку. Поезжай за ней. Чары ее на нас не подействуют, ведь мы рождены от моря.

Санасар пошел к Цовинар.

– Матушка! – сказал он. – Собери меня в дорогу, я в страну каджей еду за девушкой.

– Не ездь, сын мой, – сказала Цовинар-ханум, – ведь мы только недавно избавились от багдадского плена!

– Нет, – сказал Санасар, – поеду, пропадай моя голова! Мать собрала его в путь-дорогу. Санасар поцеловал матери руку, попрощался с ней, сел на коня.

– Багдасар, душа моя! – крикнул он брату. – Еду я за той девушкой.

Если вернусь, то не позже чем через три дня. Если же через три дня не вернусь, стало быть, беда со мною стряслась – приезжай выручать.

Друг дружку они снова простили, друг дружке добра пожелали, перстнями обменялись. И Санасар тронулся в путь.

Долго ли, коротко ли, выехал Санасар из страны Сасунской и вступил на землю каджей.

Среди долины текла многоводная река. Огромный лохматый урод – одна нога на этом берегу, другая на том – припал к воде, и вся вода вливалась к нему в глотку. Увидел он Санасара и завопил:

– Эй, проезжий! Ради Бога, дай мне глоток воды, а то у меня сердце в груди высохло от жажды.

Санасар обомлел.

– Ну и жадюга! – сказал он. – Вся вода в реке идет тебе в брюхо, из-за тебя высохли деревья, травы, цветы, а ты еще воды у меня просишь.

– Лишнего не болтай, – сказал живоглот. – Дай мне капельку водички, чтобы утолить жажду.

– Хочешь, я утолю твою жажду?

– Как не хотеть!

Санасар взмахнул мечом-молнией, снес живоглоту голову с плеч и сказал:

– Больше тебе не будет хотеться пить.

Теперь путь для воды был открыт, река вновь начала орошать поле, зазеленели деревья, зазеленели, ожили цветы, и все заговорило:

– Куда ни пойдешь, Санасар, пусть везде на твоём пути зеленеет зелень!

Простился Санасар с деревьями, с цветами и поехал дальше.

На склоне Островерхой горы паслась отара овец. Стерег стадо гороподобный исполин. То был пастух из Медного города, славный пахлеван. Как завидел он Санасара, тотчас окликнул:

– Эй, удалый молодец, куда путь держишь?

– В Медный город, – отвечал Санасар.

– Слезай с коня. Я молока надою, напьешься – поедешь дальше.

– Нет, – сказал Санасар, – я тороплюсь. Пастух горой встал перед конем:

– Нет тебе проходу! Тем, кто не выпьет молока, проходу нет. Санасар волей-неволей слез с коня, стал на колени.

У пастуха было огромное корыто, в нем четыре человека могли бы выкупаться. Пастух поставил перед Санасаром корыто, полное молока, дал ему хлеба, сказал:

– Кушай!

Не успел пастух обойти свое стадо, слышит – кричит ему Санасар:

– Эй, чабан, возьми свое корыто! Спасибо! Прощай!

Пришел пастух, видит: Санасар все молоко выпил, да еще и корыто перевернул. Чабан задрожал, догадался: «Стало быть, это и есть Санасар Сасунский».

– Счастливого пути, Санасар! – молвил пастух. – Поезжай и ничего не бойся! Куда бы ты ни направил путь, никто тебя не одолеет. Я всегда так испытываю проезжих, силу их узнаю. По этой дороге сорок пахлеванов проехало – сватать Дехцун-цам. Всех я угощал молоком из корыта. Никто из них корыта не опорожнил. Дехцун-цам всех их заколдовала, в белобородых стариков превратила. Ну, поезжай с Богом! Супротив тебя ее чары бессильны.

Санасар поехал дальше, доскакал до Медного города, смотрит: у стены стоят сорок человек с желто-белыми бородами.

– Здравствуйте, седобородые пахлеваны! – воскликнул он.

– Д'обро пожаловать, удалый молодец! – отвечали они. – Завтра и ты станешь седобородым.

– Почему?

Один из старцев ему ответил:

– И мы были такими же юными удалцами, как ты. Приехали за этой девушкой, а у нее сердце – камень. И она погубила нас.

– Как же это случилось? – спросил Санасар.

– Она колдунья, – отвечали старцы, – и у нее птица есть. Завтра в полдень птица прилетит, сядет на стену, закричит – и ты постареешь, как мы.

А деревья шепнули ему:

– Санасар! Повороти коня и, пока не смеркнется, к городу не приближайся. Волшебная птица днем прилетит, а ночью не прилетит.

Санасар послушался их совета.

Медный город

Стемнело.

Санасар к городу поскакал. В городской стене ворот не оказалось. Санасар подобрал поводья, промолвил: «Хлеб, вино, всемогущий Господь!» – припустил коня, одним прыжком перемахнул медную стену, в город вступил.

Долго кружил он по городу, наконец нашел постоялый двор. Содержал его седой армянин. Спросил Санасар:

– Сколько за постой возьмешь, дедушка?

– Сребреник за коня, полсребреника за человека.

– Я тебе, дедушка, дам два сребреника за коня и три за себя, только береги пуще глаза коня моего!

Привязал Санасар Джалали в стойле, пошел в пекарню, купил себе каравай, вернулся на постоялый двор, сел рядом со стариком, поел и сказал:

– Дедушка! Надо бы мне тебя расспросить. Можно?

– О чем, сынок?

– Как называется этот город?

– Медный город.

– У вашего царя есть дочь. Какова она собой?

– Какая бы она ни была, тебе-то что, сынок? – сказал старик.

– Да это я так, дедушка, из любопытства.

– Наша царевна – колдунья, сынок. Сколько царевичей приехало сватать ее – у всех она разум затмила, всех невесть куда угнала. Уж не за ней ли приехал и ты? Жаль мне тебя, мой сердечный. Коли ты за Дехцун-цам приехал, поезжай обратно, забудь про волшебницу. Многих она погубила.

– Нет, дедушка, не за ней я приехал. Какое мне до нее дело! Но, дедушка, ради спасения души отца твоего, открой мне: в чем сила колдовских ее чар?

Подумал-подумал старик и ответил:

– Сила колдовских ее чар таится в алмазе, алмаз тот схоронен на дне морском, в пасти дракона. В священной книге сказано, что придет от огня и воды рожденный человек, сойдет в море, схватит огненный камень и на рассвете увидит ту девушку в ее горнице. Если он все это как должно исполнит, то ворожке Дехцун настанет конец. И он сумеет ее увезти.

У Санасара глаза разгорелись.

– Дедушка! А что, если б ты указал мне ее палаты? Старик испугался:

– Зачем тебе ее палаты, сыночек?

– Дедушка! Ради Бога, покажи ее палаты пришельцу из стран далеких! Я погляжу, вернусь на родину и соотчикам расскажу: есть, мол, в мире и такой город.

Старик взошел с молодым на кровлю и показал пальцем:

– Во-он, видишь черные окна? Это башня царевны, это ее палаты. Окна черными занавесками завешены, чтобы девушка на улицу не выглянула, чтобы кто-нибудь с улицы ее не увидел.

– Дедушка! А что это за светильник горит наверху?

– Это золотое яблоко, лежит оно на верее дворцовых ворот. А на башенной кровле лежит палица. Кто яблоко схватит и спрячет за пазуху, кто палицу наземь метнет, кто камень из пасти дракона достанет, кто царя на бой вызовет и пахлеванов его одолеет, тот уведет девушку.

– Эх, дедушка, подвиги эти не по плечу мне! – сказал Санасар. – Я тебя расспросил единственно для того, чтобы рассказать у себя на родине про Медный город. Пойдем! Мне спать охота.

Оба спустились вниз, спать легли.

Старик уснул. А Санасару не спалось.

Встал Санасар, вышел наружу, сел на коня, выехал со двора. Ночь выдалась лунная, светло было как днем. Санасар помолился:

– Хлеб, вино, всемогущий Господь! Ратный крест, что на моем правом плече, помоги мне!..

Поскакал он к дворцу, взбодрил коня, подпрыгнул до столба, яблоко золотое схватил и за пазуху сунул. Еще раз подпрыгнул, протянул руку к башенной кровле, схватил палицу и метнул ее наземь. Палица полчаса летела в воздухе, а потом на целый аршин в землю ушла. Санасар коня к морю погнал, на дно опустился. Дракон вытянул шею, Санасар ударил его палицей. Пошатнулся дракон, алмаз вылетел у него из пасти и упал далеко на берегу.

Дракон рассвирепел, повернулся, море вздулось, над городом водяной смерч взметнулся и затопил его, словно ливень.

А Санасар возвратился на постоянный двор, лег, уснул и проспал до рассвета.

Утром горожане проснулись – глядь, окна у Дехцун-цам отворены, и оттуда свет идет.

Санасар поднялся на кровлю, смотрит: у окна девушка стоит. Увидел Санасар Дехцун-цам у нее в горнице, и тут настал конец ее ворожбе.

Спустился молодец с кровли, сказал старику:

– Дедушка! Ночью был сильный ветер, море взволновалось, черная туча надвинулась со стороны Сасуна, облегла все небо, пролилась ливнем и затопила Медный город.

На заре царские глашатаи зычными голосами кричали:

– Эй!.. Кто волшебный алмаз из пасти дракона достал? Кто яблоко золотое у царевны взял? Найдите, приведите – мы ему голову напрочь снесем!

Глашатаи ходили по всему городу, долго искали, но так и не нашли.

Заглянули на постоянный двор. Спрашивают старика:

– Дедушка! Нет ли у тебя чужеземцев?

– Нынче ночью ко мне на постоянный двор заехал только вот этот юноша, – отвечал старик. – Как приехал, сейчас спать завалился и до сих пор еще спит. – Старик полюбил Санасара, а потому сказал:

– Чужестранцев у меня нет.

Тут Санасар поднял голову и сказал:

– Эй, старина, как так нет чужестранцев? А я что, по-твоему, не чужестранец?

Старик осерчал.

– Молчи! – сказал он. – А то схватят тебя и убьют. – За что? – спросил Санасар и обратился к глашатаям: – Я – чужестранец. Чего вам надобно?

Смотрят глашатаи: стоит перед ними пригожий юноша. Дрогнуло у них сердце, и сказали они:

– Парень! Жаль нам тебя. Ты к царю не ходи.

– А почему не ходить? Что с ним приключилось?

– Сынок! – отвечают глашатаи. – Ночью кто-то яблоко золотое у царевны похитил. По цареву указу тот, у кого яблоко найдут, должен биться.

Коли победит – ничего ему не будет, коли не победит – не снести ему своей головы.

Санасар достал из-за пазухи золотое яблоко.

– Ступайте доложите царю: похититель яблока здесь, – сказал он.

– Ты – узник царя, – сказали глашатаи. – Идем!

– Ступайте к царю и передайте ему: я не для того прибыл сюда, чтобы стать узником вашего царя. Я пришел биться с царем.

Воротились глашатаи к царю и сказали:

– Похититель яблока здесь. Хочет биться с тобою. Царь сказал:

– Он приехал за моею дочерью. Пусть предстанет пред мои царские очи. Погляжу я, каков человек, и отдам ему дочь.

Санасар явился к царю. Царь спросил:

– Это ты яблоко золотое снял со столба?

– Я снял, своими руками.

– Снял, а теперь изволь положить на место, только днем, чтобы я видел. Тогда я отдам за тебя свою дочь. А не изловчишься – голову с плеч долой.

Вскочил Санасар на Конька Джалали, взбодрил его, взял разбег, конь до столба допрыгнул, Санасар яблоко золотое на место положил, поворотил коня и к царю прискакал.

Царь сказал:

– Так-то оно так, но только ведь это не твоя заслуга, а твоего коня. Теперь, раз ты палицу наземь метнул, изволь на моих глазах забросить ее на кровлю. Тогда я отдам за тебя свою дочь. А не исхитришься – голову с плеч долой.

Санасар палицу взял, покрутил ею над головой, забросил на башню, и башня мигом обрушилась.

– Ну, парень! – воскликнул царь. – Да ты, как я погляжу, из молодцов молодец! А все-таки я тебя еще разок испытаю. Есть у меня шестьдесят пахлеванов. Я их всех в цепи заковал и в темнице заключил, чтобы они жителей не обижали. Вот я их выпущу, а ты с ними дерись. Побьешь – отдам за тебя свою дочь, увози ее к себе. Спросил Санасар:

– Ты выставишь против меня всех своих шестьдесят пахлеванов одновременно или поодиночке?

– Санасар! – молвил царь. – Если я всех шестьдесят пахлеванов выставлю одновременно, то от тебя останется мокрое место. Ты будешь драться каждый день с кем-нибудь одним.

– Много лет тебе здравствовать, царь! – воскликнул Санасар. – Шестьдесят дней я здесь не пробуду. В запасе у меня только три дня. Выпусти их против меня всех сразу, поборемся, а там уж как Бог даст.

– Ишь ты какой! – воскликнул царь. – Жаль мне тебя, молодец. Бейся лучше с каждым в отдельности, бейся шестьдесят дней подряд!

– Нет, государь, – отвечал Санасар, – я не могу у тебя шестьдесят дней пробыть. Выпусти против меня всех своих шестьдесят пахлеванов зараз!

Царь всех своих шестьдесят пахлеванов выпустил одновременно. Санасар сел на Конька Джалали, вынул меч-молнию и выехал в поле.

Пахлеваны, взревев ровно буйволы, двинулись на Санасара, съехались, сшиблись.

А Дехцун-цам стоит у окна и глядит.

Санасар врубился в их строй, направо и налево разит мечом. Не подступиться к нему. До вечера двадцать пахлеванов убил Санасар.

Пахлеваны бились и ночью. Говорили промеж собой:

– Нападем на него ночью и убьем. В темноте он нас не увидит. До утра Санасар еще десять пахлеванов убил. Бились с утра и до вечера. Еще десять пахлеванов убил Санасар. Осталось всего только двадцать.

Кругом мертвые тела лежат. Ноги у Санасара увязли в густой крови. Пахлеваны бродят вокруг да около, а ближе подойти не смеют. У Санасара затекла рука, разить он не в силах, только обороняется. Нет ни на чьей стороне перевеса.

Но возвратимся к Багдасару.

Брат выручает брата

Встал Багдасар поутру, умывается, глядь – почернело кольцо, что дал ему в обмен Санасар.

– Горе мне, горе! – воскликнул он. – Брат мой в беде. Скорей выводите из стойла коня – я помчусь к брату на помощь.

– погоди, сынок, – молвила мать, – покушай перед дорогой. Вывел Багдасар могучего коня, оседлал его, палицу взял, вскочил в седло, помолился богу, помчался. А поесть забыл.

Доскакал до высокой горы. Пастух-исполин преградил ему путь.

– Всадник! – сказал пастух. – Выпей молока, а потом можешь ехать.

– Э, да ты кто – сам сатана? Мой брат гибнет, а ты – «Выпей молока»? Нет, мне недосуг.

– Шалишь, брат, – молвил пастух. – Пока молока не выпьешь, я тебя не пропущу.

Багдасар видит, что пастуха не переупрямить, соскочил с коня, сел наземь. Пастух полное корыто молока надоил, подвинул к Багдасару, дал ему хлеба, а сам принялся обходить свою отару.

Семь раз обошел он ее; наконец Багдасар допил молоко, опрокинул корыто, позвал:

– Эй, пастух, возьми корыто, я уезжаю! Пастух подошел к нему и сказал:

– Багдасар! Брат твой в семь раз сильнее тебя. Смотри ни в чем ему не перечь. Ну, поезжай! Санасар сорок пахлеванов осилил, а двадцать осталось. Этих ты перебьешь, и вы вернетесь домой. Не бойтесь: таких двух братьев, как вы, никто на свете не победит.

Домчался Багдасар до стен Медного города, видит: стоят сорок стариков.

– Здравствуйте, краснобородые, белобородые, рыжебородые! – крикнул он им.

Самый из них древний поздоровался с Багдасаром.

– И ты, бедняга, угодил в силки к той девице, у которой не сердце в груди, а камень? – спросил он.

– Дедушка! – сказал Багдасар. – Не то вчера, не то позавчера тут один молодец проезжал, мой однолесток. Вы его, часом, не видели?

– Видели, – отвечал старик. – Не вчера, а позавчера проезжал тут один молодец. Был он сильнее, смелее тебя. Конь у него был как вихрь. Взвился и перемахнул через городскую стену. До нынешнего дня шум битвы к нам сюда долетал. А сегодня тихо. Нам неизвестно, что там случилось.

– Горе мне! Это мой брат! – вскричал Багдасар. – Если шум битвы не слышен – значит, убили его. Даю обет: Медный город разрушу, за брата отмщу!

Поскакал Багдасар. И чуть только замечал он вокруг какое движение, кто ни попадался ему навстречу, всех убивал – людей и животных.

Хватил палицей по стене, стену свалил, в город ворвался. Проехал под окном девицы, спросил:

– Девушка! Где идет битва? Девушка узнала его, показала пальцем:

– Вон там идет битва.

Багдасар погнал коня, примчался на поле сражения, смотрит: Санасар и двадцать уцелевших пахлеванов стоят друг против друга. Веки у Санасара слиплись от крови, он слабо обороняется.

Багдасар ринулся в бой с другой стороны и давай пахлеванов крушить.

– Эй, Санасар, брат мой родной!.. – крикнул он.

Узнал Санасар голос брата и сказал себе: «Слава Богу, помощник мой вовремя подоспел, теперь мне бояться нечего!» Да как крикнет: – Эй, Багдасар! Брат мой родной! Неужто это ты?

– Да, это я! Стань им поперек дороги, а я двинусь к тебе навстречу и, пока доеду, всех уложу.

И вот наконец приблизился он к Санасару, вытащил его из моря крови, вымыл ему лицо. У Санасара открылись глаза.

– А где же враги? – спросил он. – Ведь их оставалось двадцать.

– Я их всех перебил, – отвечал Багдасар. – Я свою лепту внес. Все шестьдесят пахлеванов полегли на поле сражения. Санасар с Багдасаром предстали перед отцом Дехцун. Царь Медного города молвил:

– Ты, Санасар, из четырех испытаний вышел со славой: вырвал из пасти дракона алмаз, яблоко золотое снял со столба, палицу с башенной кровли наземь метнул, а затем вы вдвоем перебили шестьдесят моих пахлеванов. Осталось последнее испытание.

– Какое еще испытание?

– Теперь надлежит вам отправиться в город Зеленый.

– А что там такое?

– Там у родника сидит дракон, и город умирает от жажды. Убейте того дракона – тогда я свою дочь Санасару отдам.

Санасар с Багдасаром вскочили на коней. Сасунских храбрецов хлебом не корми – дай сразиться с врагом!

– Ау, Зеленый город! Где ты? Жди нас! Мы едем!

Ехали братья по безводной пустыне. Вечером достигли города, туда-сюда, наконец постучались в один дом.

– Кто там? Вышла старуха.

– Мы, бабушка, чужеземцы. Пусти нас к себе.

– Почему не пустить, сынки? Гость – от Бога.

Старуха распахнула дверь, впустила юношей в горницу, молвила:

– У меня-то у самой деток нет. Вот вы и будете мне вместо детей, а я вам вместо матери.

Будем жить вместе, и господь нас не оставит.

После ужина Багдасар сказал:

– Бабушка! Мне пить хочется, дай мне глоточек водички. – Ох-ох-ох! Нету у меня воды, – отвечала старуха.

– Как же так, бабушка?

– Утешный ты мой! Это не Зеленый город, а безводный, засушливый край.

Только на вершине горы бьет родник. Да у того родника дракон сидит, припал к воде и не дает ей течь к городу. Раз в неделю мы приносим в жертву дракону девицу, чтоб он нам дал хоть немного воды, чтобы народ не вымер от жажды. У нашего царя есть красавица дочка. Завтра ее черед.

– Бабушка! – сказал Багдасар. – Неужели во всем вашем городе не найдется человека, который мог бы убить дракона?

– Что ты! – воскликнула старуха. – Его не убьешь. Сколько раз государь с войском ходил на него, да все без толку!

На зорьке старуха прислушалась и сказала:

– Слышите вопли? Знать, девицу к дракону ведут.

Братья на улицу бросились. Так и есть: красавицу девушку в черной одежде ведут на гору, а девушка плачет и рыдает. Вслед за ней идут женщины с кувшинами.

Братья тоже стали взбираться на гору. Влезли на самый верх – там должны были привязать девицу, – и тут Багдасар ей сказал:

– Девушка, ты не бойся! Стой здесь, а мы пойдем сразимся с драконом.

А девушка подумала: «Я убегу. Дракон этих двух молодцов проглотит, и я избавлюсь от смерти».

Жители Зеленого города смотрят: дракона еще нет, а девица бежит.
Поймали ее, привязали.

Внезапно по горам прокатился гром. Смотрят сасунские удалыцы – перед ними дракон ростом с буйвола, а длиною с пять буйволов. Он еще издали увидал смельчаков. Заместо одного целых трое к нему на съеденье явились! Обрадовался дракон, зубами заляскал, пасть разинул, хвостом покрутил, зашипел и к девице полез. Девица зубы стиснула, обомлела, горячие слезы брызнули у нее из глаз.

Сасунские удалыцы кинулись на дракона. Санасар взмахнул мечом-молнией и отрубил дракону голову. Багдасар отрубил ему хвост. Затем оба подошли вплотную, мечи в бока дракону всадили и убили его. Багдасар девушку отвязал, молвил: – Девушка, иди домой!

Дракон издох. И вновь забил родник, полилась вода, и все текла и текла, люди брали ее кто сколько хотел. Весь город вдосталь напился.

Царь Зеленого города сасунских пахлеванов позвал к себе, молвил:

– Просите у меня все, что хотите!

– А мы ничего не хотим, – отвечал Багдасар. – Отдай нам только девушку, которую мы от смерти спасли.

– Девушка, которую вы от смерти спасли, ваша по праву, Багдасар.

А еще чего вы хотите?

Багдасар повторил три раза:

– Мы хотим спасенную девушку. Царь обрадовался:

– Девушка, вами спасенная, по праву твоя, Багдасар-молодец! Я пожению вас.

– Я пока еще не могу жениться, – возразил Багдасар. – Дело за старшим братом.

Сасунские удалыцы в Медный город поехали, чтобы силой увезти Дехцун-цам в Сасун. Злы они были на ее отца за все его козни. Царь каджей сказал:

– Знаешь что, Санасар? Дехцун выехала из города, заперлась в своем замке. Если сможешь, уведи ее.

Санасар тот же час выехал из города. Вдали, на скале, увидел он белый замок.

«Верно, это и есть замок Дехцун», – подумал он, погнал коня к тому замку и осадил его у ворот. Тяжелые ворота были заперты. Санасар постучал: зынг, зынг, зынг! Крикнул:

– Откройте! А не то и ворота и кровля вам на голову упадут. Дехцун выглянула в окно, золотые башмачки обула, побежала встречать Санасара, отворила калитку.

– Как я рада тебе, мой повелитель! – сказала она.

Санасар соскочил с коня, и они, обнявшись, направились к замку.

– Любимый мой Санасар! – снова заговорила Дехцун. – С хорошей ли вестью ко мне ты приехал?

– Я хочу на тебе жениться.

– В добрый час! Где я еще найду такого, как ты, молодец? А уж красива была Дехцун – в семь раз прекраснее той, что явилась во сне Санасару! Поменялись они кольцами, и сказала Дехцун-цам жениху:

– Мне так тебя жаль, Санасар, что ты, такой молодой, скитаешься ради меня по горам и ущельям!

Санасар возмутился:

– Да чего меня жалеть?

– Оттого я жалею тебя, – отвечала Дехцун, – что тебя могут убить. Это заклятый край. Тут деревья, кусты, камни крикнут: «Увез! Увез! Санасар увез Дехцун-цам!» Мы уедем с тобою ночью, тайком, когда весь город будет спать. Коли город проснется, то увозом тебе не жениться.

– Я ничего не боюсь, – объявил Санасар. – Я увезу тебя днем. Да что там говорить! Пойдешь за меня замуж – садись на коня, а не пойдешь – мигом поворочу и уеду в Сасун.

– Как же мне за тебя не пойти, мой повелитель? – сказала Дехцун. – Только у меня и свету в оконце, что ты, только тобой я и живу, одного тебя и люблю. Что ж, по-твоему, я вызвала тебя из Сасуна, чтобы отказаться ехать с тобой?

С этими словами вспрыгнула Дехцун на коня. Санасар дернул поводья и поскакал. Что бы ни встретилось ему по пути – куст ли, камень ли, зверь, – со всеми здоровался Санасар. И никто не выдал его, никто не проронил ни звука. Все помнили, что Санасар умертвил ненасытное чудище, освободил воду и вода хлынула на поля.

Вдруг видит Санасар: отвратительная птица летит. Санасар с нею не поздоровался. Птица вскрикнула, хотела Санасара в старика обратить.

Чары ее на него не подействовали. Тогда птица в поднебесье взвилась, громким голосом закричала:

– Увез, увез! Сасунский удалец Санасар увез царевну Медного города!

Крик злой птицы донесся до Медного города. Люди проснулись, стали друг дружку скликать, вскочили на коней, погнались за Санасаром.

Песку морскому есть счет, звездам небесным есть счет, травам полевым есть счет, всадникам Медного города не было счету.

Санасар отвез девушку на высокую гору, в укромное место, а сам помчался навстречу всадникам, меч-молнию выхватил, молвил:

Хлеб, вино и ты, всемогущий Господь,
Ратный крест, что на правом моем плече!
Помогите врагов одолеть, побороть!..

С этими словами ударил Санасар на всадников, стал их крушить и крошить – мертвые тела циновкой расстелились вокруг него. Немного спустя поглядел: одни от него к городу мчатся, другие со стороны города к нему летят. Что за притча! Ба, да ведь это удалой Багдасар стремится на помощь к своему брату и по дороге убивает врагов!

Багдасару издали видно: белый всадник, весь в крови, одну за другой головы сносит.

Багдасар подумал: «Верно, это он убил моего брата». Приблизился – и ударил Санасара палицей в грудь. Санасар откинулся, но тут же снова укрепился в седле. Удалец еще раз ударил палицей брата. И опять Санасар выпрямился, укрепился в седле и запел:

Хлеб, вино, всемогущий Господь!
Узнаю страшной силы удар:
Это бьет удалец Багдасар.

Тут только Багдасар узнал брата, сказал:

– Брат! Ты весь в крови! Вот почему я так долго не узнавал тебя. Ты с добычей или с пустыми руками?

Отвечал Санасар:

– Я дочку Медного царя привез. Вон она там, на высокой горе. Повлек он Багдасара к девице и издали подал ей знак, чтобы она его брату руку поцеловала. Дехцун приблизилась к Багдасару и поцеловала ему руку. Багдасар обрадовался, девушку похвалил, сказал:

– Невестушка! Выстирай одежду моего брата, – она вся в крови. А я поеду добивать вражье войско.

Взял он палицу и копьё, напал на всадников – и давай крушить и крошить! Уцелели те, кто дома сидел. Некому было недобрую весть принести в Медный город.

Царь каджей прибыл на поле брани.

«Дехцун-Цам достойна тебя»

Санасар и Багдасар взяли девицу с собой и поехали к сорока старцам.

– Девушка Дехцун! – сказал Санасар. – Эти сорок человек приехали сватать тебя. Ты их заколдовала, в дряхлых стариков превратила.

Вот теперь ты их и расколдуй, верни им тот возраст, в каком они сюда прибыли.

Дехцун-цам ему на это ответила так:

– Да, они приехали сюда за мною. Но если я молодость им возвращу, они вызовут вас на бой. Лучше едем скорее к вам!

– Нет, так не годится, – сказал Санасар.

Дехцун покликала свою птицу. Птица прилетела, опустилась на городскую стену, запела – и к людям вернулась молодость.

– Добро! – сказал Санасар, приблизился к пахлеванам и такую речь с ними повел: – Юные удалцы! Вы все явились сюда за девицей. Но вам надлежало вступить в бой и с боем взять ее. Мы, два брата, бились, врагов одолели и только после этого взяли девицу и сюда привезли. Теперь вы вновь обрели силу и молодость. Девушка пусть отойдет в сторонку, а мы с вами будем здесь биться. Коли вы возьмете верх над нами обоими, девушка достанется вам, а если мы вас поборем, нам достанется девушка.

Пахлеваны в один голос заговорили:

– Эй, Санасар, эй, Багдасар! Вы из беды нас выручили, молодость нам вернули, так разве же станем мы с вами сражаться? Это была бы черная неблагодарность. Нет, братья, сражаться мы с вами не будем. Отпустите нас с миром – мы поедем в родные края.

– Чужеземные братья! – сказал Санасар. – Так, значит, вы согласны, чтобы я женился на этой девушке и пополам с ней делил и горе и радость?

– Женись и будь с нею счастлив! – сказали они, – Мы тебя поздравляем. Дехцун-цам достойна тебя, Санасар!

Распрощались тут с братьями все сорок пахлеванов и разъехались по домам.

Санасар сказал брату:

– Хочешь, бери себе Дехцун-цам? А Багдасар ему на это ответил:

– Что ты говоришь, братец! Дехцун тебе писала письмо, тебе призналась в любви! Ты за нее сражался. Дехцун-цам твоя, бери ее себе в жены! Где ж это видано, где ж это слыхано, чтобы брат у брата невесту отбивал? Притом у меня ведь тоже невеста есть – та девица, которую мы от дракона спасли.

Тут братья расцеловались, сели на коней и вместе с сорококозой девицей направили путь в Сасун.

Долго ли, коротко ли, смотрят: едет кто-то на сивом коне. Всадник тот издали крикнул им:

– Эй вы, шелудивые псы! Эта гурия, эта пери создана для меня. Куда вы ее везете?

– Брат! – сказал Санасар Багдасару. – Подержи моего коня, а я пойду с ним потолкую.

Разгневался Багдасар:

– Да что же это? Каждый раз ты идешь в бой. Нет уж, на этот раз пойду я.

Санасар рассмеялся:

– Да иди, иди! Чего ж ты так кипятишься?

Багдасар погнал коня навстречу незнакомцу. Слово за слово – спрыгнули оба с коней, сцепились. Багдасар разъярился, схватил незнакомца и на обе лопатки его положил. А тот распахнул ворот, грудь обнажил, молвил:

– Багдасар! Я – твоя невеста, Луснтаг. А девушка, которую брат твой везет, это моя сестра Дехцун-цам. Я из-за нее семь лет назад убежала из дому и, как разбойник, все бродила по

горам и ущельям. Сестра моя колдовала, молодых людей губила. Невмоготу мне было на это смотреть. Вот и пришла я в Зеленый город, и царь меня приютил.

А как услышала я, что вы рассеяли чары Дехцун и что Санасар увозит ее, я, с тобой обреченная, примчалась к тебе.

И вот сели они вчетвером на коней и двинулись по дороге в Сасун.

Повстречался им молодец из Сасуна, и они его послали вперед, чтобы оповестил он Цовинар-ханум, что едут Санасар с Багдасаром и везут из Медного города сорокакосую Дехцун и сестру ее Луснтаг.

Цовинар-ханум собрала сорок пар труб и сорок пар бубнов, призвала сорок гусанов с бамбирами ², призвала сорок священников, сорок архимандритов и всех жителей Сасуна пригласила на свадьбу.

Дехцун-цам обвенчали с Санасаром.

Луснтаг – с Багдасаром.

Сорок дней и сорок ночей свадьбу играли, пировали и веселились.

Прошло некоторое время.

Как-то раз удалец Багдасар ни с того ни с сего разгневался, взял жену свою и ушел с ней в Иран-Туран. И родилось у них там два мальчика.

Санасару Дехцун-цам родила трех сыновей: Верго, Огана и Мгера.

Верго уродился никудышным, да к тому же еще трусишкой, и прозвали его Пачкун Верго.

Оган был умница, грамотей; голос у него был красивый и такой громкий, что, когда он кричал, голос его сорокадневный путь пролетал.

Семью буйволиными шкурами обматывал он себя, чтобы не лопнуть от крика. Его прозвали Горлан Оган.

А Мгер был сильнее и даровитее всех.

Настал день смерти Санасара. Созвал он своих сыновей и сказал:

– Дети мои! Пришел мой конец. Вот вам мое завещание: правьте так, чтобы Сасун благоденствовал. Слушайтесь мать, Джалали берегите как зеницу ока. Не будьте коварны в борьбе с врагом – бейтесь так, как пристало сасунским удалцам.

Умер Санасар.

Цовинар-ханум и другие тоже скончались.

Пришло время Мгера.

² щипковый музыкальный инструмент

Ветвь Вторая. Мгер Старший

*Пусть будет добром помянут Львораздиратель Мгер!
Пусть будут добром помянуты вещей Кери-Торос
И Дехцун-цам – красавица с льющимся золотом кос!
Пусть будет добром помянут мудрый Горлан Оган!
Мы добрым словом помянем чистую Армаган!
Недобрым... нет, добрым словом помянем Исмил-хатун!*

С жеребёнком на плече

Когда Санасар скончался, звезда халифа багдадского уже затмилась.

Взошла звезда другого могучего царя. Правил он городом Мсыром. И звали его Мсра-Мелик.

То был уродливый великан, тучный, заплывший жиром, так что веки свисали ему на щеки. Мсра-Мелик укреплял их железными зубьями и связывал на лбу, иначе он ничего не видел.

Как скоро узнал Мсра-Мелик о кончине Санасара, то собрал войско и пошел войной на Сасунское царство.

Где твоя бывшая сила, Сасун?.. Нет у тебя вождя, некому за тебя постоять! Богатырь Санасар приказал долго жить; Сорвиголова Багдасар покинул отчизну; Дехцун-цам – женщина, мать троих детей, колдовство свое она давно бросила. У кого достанет сил поднять палицу Сасунского царства? Кто дерзнет взять в руки меч-молнию?..

Попытался Верго поднять отцову палицу – даже с места не сдвинул, надорвался, нажил себе грыжу. Оган был мал, Мгер еще моложе, от Мсра-Мелика его скрывали. Конька Джалали привязали в темной конюшне, землей завалили окошко и дверь.

Остался Сасун без хозяина, без заступника. Мсра-Мелик без боя занял Сасун, данью его обложил, объявил:

Каждый год доставляйте мне много добра:
Сорок полных-преполных выюков серебра,
Сорок золотом чистым набитых выюков,
Сорок дойных коров, сорок добрых быков,
Сорок женщин высоких – верблюдов грузить,
Сорок ростом поменьше – чтоб жернов крутить,
Сорок дев, чтоб натешился ими я всласть,
Сорок телок и сорок коней – чтоб под масть!

Наложил эту дань Мсра-Мелик на Сасунское царство и вместе с войском воротился к себе в Мсыр.

Была Армения данницей арабского халифа, стала Армения данницей Мсра-Мелика.

Прошло некоторое время.

Однажды Кери-Торос созвал сасунских князей на совет и с такою речью к ним обратился: – Правитель Сасунского царства должен быть из рода Санасара. Что скажут его дети?

Горлан Оган молвил:

– Верго! Ты старший брат, тебе и надлежит править.

– Не могу, – отвечал Верго. – У меня грыжа.

– Так кто же тогда будет править? – спросил Кери-Торос. – Оган и Мгер еще малы. Судили-рядили, наконец Кери-Торос молвил:

– Пока подрастут ребятишки, пусть правит Дехцун-цам.

Дехцун-цам вывела из стойла Конька Джалали, набросила на него седло перламутровое, надела стальную уздечку, сама облеклась в Санасаровы доспехи, взяла меч-молнию, заградила щитом и села в седло – хотелось ей по Сасунским горам поездить, государство Сасунское своими глазами увидеть.

Весь город вышел поглядеть на сасунскую царицу: ведь она после смерти Санасара еще ни разу солнца не видела, на глаза народу не показывалась.

Поздоровалась она с народом, припустила коня и ускакала.

Долго ли, коротко ли, достигла она того самого Молочного родника, из которого некогда пили Санасар с Багдасаром.

Тут сошла она с коня и уздечку сняла, чтобы конь пасся на воле. Сама села у родника, попила-поела, Джалали напоила, а потом растянулась на зеленой траве и уснула. И она и Конек Джалали были изнурены, от обоих остались кожа да кости.

Проснулась Дехцун-цам, смотрит: и она и конек поправились, раздобрили, вновь в силу вошли. Диву далась Дехцун-цам. Помчалась домой, рассказала домашним про чудо.

– А что же тут удивительного? – молвил Кери-Торос. – Ведь Санасар с Багдасаром богатырскую свою мощь от этого самого родника получили. Он упоминается в священных сасунских книгах.

Минуло Мгеру семь лет. Росту он был семь кангунов³. Мать учиться его отдала. Мгер быстро всему обучился, понаторел в разных науках.

И вот однажды обратился он к Дехцун-цам с такою речью:

– Матушка! Что же мне, в недорослях век вековать? Дозволь мне сесть на коня, погарцевать, погулять по горам и ущельям, поохотиться, стать настоящим мужчиной, на людей посмотреть и себя показать!

– Дитя мое! – молвила мать. – Ты еще мал, это тебе не по силам. Потерпи. Вырастешь – тогда и делай что хочешь.

– Нет, матушка, – возразил Мгер. – Нет у нас в доме мужчины. На нас могут дэвы напасть, дом наш догла разорить. Мне надобно упражняться, готовиться к встрече с врагом.

Поняла Дехцун-цам, что не переспорить ей сына.

– Иди, сынок! – сказала она.

Взял Мгер стрелы и лук, пошел в горы охотиться.

И пристрастился он с того дня к охоте. Ходил пешком – коня у него не было.

Однажды он долго гонял за лисицами, совсем из сил выбился, запыхался, но так и не поймал ни одной. Вечером, усталый, сердитый, вернулся домой и зашвырнул лук.

– Что ты такой сердитый, мой мальчик? – спросил Кери-Торос.

– Ах, дядя! – отвечал ему Мгер. – Чтоб этим лисицам подохнуть! Убегают они от меня. Вымотали мне всю душу.

Мгер к тому времени растолстел и бегал с трудом, ногами в земле увязал.

– Чудной ты парень! – воскликнул Кери-Торос. – Сумасброд ты сасунский! Да разве человеку угнаться за зверем пешком?

– А что же мне делать, дядя?

– В городе Битлисе у тебя есть дядя, князь Горгик, – отвечал Кери-Торос. – У него сорок коней. Пойди и доброго коня у него возьми – его от этого не убудет. Сядешь на коня и поедешь на охоту.

Утром, чуть свет, Мгер объявил матери:

³ мера длины, равная примерно пятидесяти сантиметрам, соответствует древнерусскому «локтю»

– Матушка! Дай мне хлеба – я в Битлис иду.

Взял два хлебца, за пояс их заложил, взял дубину и пошел путем-дорогой.

– Битлис! Где ты? Я к тебе спешу!..

И вот вступил он на окраину города Битлиса.

На улице детишки играли. Смотрят; идет великан с целым бревном на плече.

– Ну и ну! – сказали ребяташки. – В первый раз видим такого человека! С бревном на плече идет!

Мгер подошел к ним, спросил:

– Эй, ребята! Где дом князя Горгика? Дети обступили его.

– Мы тебя проводим, – сказали они. И довели до места.

Мгер дубину свою приставил к стене и вошел. Князь Горгик вел беседу со своими друзьями-князьями. Мгер отвесил поклон. Князь Горгик и внимания не обратил на него. Он сидел выше всех. «Уж верно, это мой дядя и есть», – подумалось Мгеру. Подошел он к князю, взял его за руку, стиснул слегка, а князю Горгику показалось, будто рука у него сломалась в семи местах. Подивился Горгик, спросил:

– Откуда ты, здоровяк?

– Я твоей сестры сын, – отвечал Мгер.

– А кто твой отец?

– Санасар.

– Ах, вот ты кто! Милости просим, милости просим!

Дядя подобрел, после того как восчувствовал Мгерovu силу. Мгер присел отдохнуть. Принесли ему угощение, а когда он поел, обратился к нему дядя с вопросом:

– Как тебя звать?

– Мгер.

– Мальчик мой Мгер! Зачем же ты ко мне пожаловал?

– Дядя! – отвечал ему Мгер. – Я до того растолстел, что не могу догнать зверей на охоте, – уходят, убегают они от меня. Я пришел доброго коня у тебя попросить.

– Одного коня мало, – сказал князь Горгик. – Я тебе десять коней подарю.

Утром после завтрака дядя сказал:

– Иди, Мгер, в конюшню. Там привязаны сорок коней. Какой из них придется тебе по нраву, того бери и седлай!

– А ведь отец ему оставил Конька Джалали, – сказал один из гостей.

– Конька Джалали он должен еще заслужить, – отвечал Горгик.

Пошел Мгер в конюшню. Там были привязаны сорок коней: двадцать в одном ряду, двадцать в другом. Какому коню Мгер ни положит на спину руку, всяк пригибается, брюхом к земле припадает.

Все сорок коней Мгер испытал и сказал:

– Ай, пусть они все подохнут!.. Ни один мне не подходит. Кому ни положу руку на спину, всяк сгибается, брюхом к земле припадает. Ни один из них меня не выдержит.

Совсем уж было собрался уходить Мгер, как вдруг видит – лохматый жеребенок-двухлетка прыгает, носится из конца в конец конюшни.

«Раз нет здесь подходящего для меня скакуна, – сказал себе Мгер, – ударю-ка я этого кулаком по хребту. Околеет паршивый жеребенок, тогда я и уйду».

Как треснет Мгер жеребенка по спине кулаком – жеребенок взвился, десять коней покалечил, копытом ударил о каменную стену, аж искры посыпались. «Если уж подымет меня конь, так только этот, – подумал Мгер, – а больше никакому коню меня не поднять! Я свою силу знаю. От моего кулака он непременно должен был сдохнуть. Отдаст мне князь Горгик жеребенка – возьму, не отдаст – уйду ни с чем».

Вернулся Мгер в княжеские хоромы, присел, поник головой.

– Что, Мгер? – обратился к нему князь Горгик. – Выбрал ты себе коня?

– Дядя! – молвил Мгер. – Пусть все сорок коней остаются у тебя.

Рука у меня не поднимается, чтобы увести у тебя хотя одного. Подари мне только лохматого жеребенка, что резвится в твоей конюшне.

– Мальчик мой Мгер! – молвил дядя. – Мне будет стыдно людям в глаза смотреть! Я ведь не кто-нибудь, а князь Горгик! Негоже мне дарить тебе невзрачного жеребенка. Что скажут люди? «Мгер за конем к князю пришел, а князь пожалел для него доброго коня».

Мгер стоял на своем:

– Дядя! Мне понравился тот жеребенок. Только он и пришелся мне по душе. Отдашь мне его – возьму, не отдашь – уйду в Сасун без коня.

– Дело твое, мальчик, – рассудил князь Горгик. – Коли хочешь, бери жеребенка!

Вывел Мгер жеребенка из стойла, попросил веревку – дали ему веревку. Мгер жеребенку ноги спутал, дубину свою продел ему между ног, самого жеребенка взвалил себе на плечо, сказал:

– Прощай, дядя! Дай бог тебе счастья! Попрощался и тронулся в путь.

Битлисская детвора бежала за Мгером, улюлюкала ему вслед, смеялась: вот, мол, дурак, коня на себе несет! А Мгер как будто не слышит.

Дошел он наконец до Сасуна. Смотрит Кери-Торос – идет Мгер, а на плече у него дрянной жеребенок.

– Мальчик мой! – молвил Кери-Торос. – Зачем ты этого жеребенка притащил? Что ж, князь Горгик не мог тебе доброго коня подарить?

– Кери-Торос! – молвил Мгер. – У князя Горгика сорок коней, да вот беда: клячи они, а не кони. Какому ни дашь кулаком по спине, все поджимаются и брюхом к земле припадают. Только этот жеребенок мне и подходит.

– Что же это за особенный жеребенок?

– Ой, Кери-Торос, ты не знаешь, что это за жеребенок! Как хватил я его кулаком по спине – взвился жеребенок, десять коней покалечил, копытом ударил о каменную стену, аж искры посыпались.

– Эге-ге, мальчик! – воскликнул Кери-Торос. – Этот жеребенок не от простого коня. Видать, он из породы Конька Джалали. Дай-ка я его выхолю, а через три года ты на него сядешь.

Спустя три года Мгер сел на коня. Весь Сасун объехал верхом. Сколько оленей и прочих зверей ни встречал, всех убивал, в Сасун привозил, мясо жителям раздавал.

Семь лет он Сасун своею добычей кормил.

Львораздиратель Мгер

В Сасуне хлеб вздорожал. Народ умирал с голоду. Горожане к Мгеру пришли, остановились у ворот, сказали:

– Мгер! Мы умираем с голоду. Ради Бога, окажи нам помощь! На небе нет у нас никого, кроме Бога, на земле – никого, кроме тебя.

– Не знаю, как быть, – молвил Мгер. – Пойду поговорю с Кери-Торосом. Посмотрим, что он скажет, почему такая дороговизна.

Позвал Мгер Кери-Тороса.

– Дядя! – сказал он. – В Сасуне нет хлеба.

– Что ж я тут могу поделаться, мой мальчик? – отвечал Кери-Торос. – В моих амбарах пусто. Может, ваши амбары еще не совсем опустели?

– У нас тоже нет хлеба. Народ с голоду мрет. Дядя! Почему у нас голод? Градом ли побило хлеба, засуха ли их сожгла, ветер ли зерна унес?

– Нет, – отвечал дядя. – Мы, сасунцы, не пашем и не сеем. Мы разводим ослов, мулов и коз и пасем их на пастбищах. Хлеб нам доставляли Шам и Алеп.

– Почему же теперь не доставляют?

– В горах объявился лев-людоед, никому от него ни проходу, ни проезду. Вот уж три года, как никто от нас не едет в Шам и Алеп, а оттуда никто не едет в Сасун. Льва боятся: бросается на людей и раздирает их в клочья. Вот почему такая дороговизна в наших краях.

– А что такое лев-людоед? – спросил Мгер.

– Это зверь такой. Его называют царем зверей.

– Что же он, издалека людей ест или когда подойдешь?

– Когда подойдешь, тогда и съест.

– Клянусь хлебом, вином и Господом всемогущим, утром я выйду на льва! – объявил Мгер.

– Не ходи, Мгер, разорвет!

– Нет, я буду биться со львом!

На зорьке все, кто только мог взобраться на коней, вслед за Мгером направились к логову льва.

И вот появился лев. Хвостом бьет по земле, пыль и мгу поднимает. Подошел, стал перед Мгером и его войском и так зарычал, что эхо от его рыка по горам и долам прокатилось.

– Хлеб, вино, всемогущий Господь! – вскричал Мгер. – Если кто ударит льва мечом или палицей, я льва не трону, а того человека убью. Меня мать родила, льва тоже мать родила. Нет у льва ни оружия, ни доспехов, – стало быть, и мне следует оружие и доспехи наземь сложить и вступить в бой безоружным.

Побросал Мгер оружие и доспехи наземь, рукава засучил, хлеб и вино помянул, бросился на льва. Сцепились Мгер и лев. Мгер льва одной рукой за верхнюю челюсть ухватил, а другой рукой за нижнюю, пополам льва разорвал, одну часть налево швырнул, а другую направо.

Весть о том долетела до Дехцун-цам.

– Радуйся, – сказали ей, – твой Мгер убил льва.

Дали Мгеру грозное прозвище – Львораздиратель Мгер. Вернулся Мгер вместе со всеми в Сасун.

Собрались сасунцы, пришли к Мгеру, сказали:

– Львораздиратель Мгер! Теперь ты наш царь. Правь Сасуном. Дехцун-цам поцеловала сына, достала оружие и доспехи сасунского царствующего дома, Мгеру все отдала и сказала:

– Ты – опора Сасунского царства. Для кого же мне это теперь хранить?

Мгер облекся в доспехи отца.

Бархатный надел он кафтан,
Серебряным поясом обвил стан,
Натянул и обул два стальных сапожка,
Вывел во двор Джалали-Конька,
Седлом перламутровым его оседлал,
Уздой золотою его взнуздал.
Только взялся он за молнию-меч —
Глядь: Ратный крест у него оплечь.

Сел Мгер на коня и умчался в горы Сасунские – погулять и царство свое своими глазами увидеть. Враги признали себя побежденными и покинули горы Сасунские.

Был теперь у Сасуна вождь и заступник.

Армаган

Мгер, вождь и заступник Сасуна, был холост.

Однажды Кери-Торос и другие князья пришли к Дехцун-цам и сказали:

– Дехцун-хатун! Сын Санасара вырос, надо его женить. А Дехцун-цам им в ответ:

– Я сама об этом подумываю. Сыщите для моего Мгера невесту. Хоть горожанку, хоть поселянку – лишь бы была хорошая девушка.

Стали князья совещаться: чья дочь достойна Мгера? Наконец Кери-Торос сказал:

– Поедем в Маназкерт! У царя Теватороса славная дочь, зовут ее Армаган. Выватаем ее Мгеру.

Сваты Кери-Торос и Горлан Оган выбрали себе в спутники кого поудалей, сели на коней, поехали в Маназкертскую крепость, остановились у ворот, спросили:

– Царь Теваторос дома?

– Нет, – сказали им. – Теваторос уехал в город Ван. Припустили сваты коней, к завтраку прибыли в Ван.

– Царь Теваторос здесь?

– Нет, – сказали им, – он крепость заложил, позавтракал и ускакал в Арзрум.

Помчались сваты в Арзрум, спросили:

– Царь Теваторос здесь?

– Он был здесь, – сказали им, – крепость заложил, пообедал и уехал в Карс.

Понеслись сваты в Карс, спросили:

– Царь Теваторос здесь?

– Нет, – сказали им, – он крепость заложил, поужинал и отбыл в Маназкерт.

Царя Теватороса уведомили, что к нему едут в гости Кери-Торос и Горлан Оган с удальцами.

Теваторос выслал им навстречу гонца и отвел для гостей покои: один для князей, другой для удальцов.

Когда гости насытились, царь обратился к ним:

– Добро пожаловать, Кери-Торос, и ты, Оган! Что привело вас ко мне?

– Много лет тебе здравствовать, царь! – молвил Кери-Торос. – Мы хотим с тобой породниться.

– Как – породниться?

– Отдай свою дочь Армаган за нашего Мгера.

– За Мгера? Я о нем слыхал! Чей же он сын?

– Сын Санасара, брат Огана.

– Кери-Торос! – молвил царь. – Вы приехали ко мне и тем оказали мне честь, а честь выше мощи, и я отдал бы дочь свою в жены Мгеру, но вот уже семь лет, как томится она в полону у хлатского царя Белого Дэва. Пусть Мгер вызволит мою Армаган из плена и возьмет ее в жены – это будет ему награда!

Пусть царь Теваторос продолжает беседовать со сватами, а мы тем временем рассказ поведем про Белого Дэва.

Царь Хлата Белый Дэв, прослышав о том, что слава Мгера облетела все концы света, сказал:

– Не сегодня, так завтра сасунский удалец на меня нападет, Хлат у меня отберет.

Сел, письмо написал, вручил его пахлевану Ками, приказал:

– Мчи в Сасун, передай Мгеру.

Ками взял письмо и помчался. В тот день Мгер охотился в горах. Пахлеван Ками разыскал его и сказал:

– Здравствуй, Мгер! Стало быть, ты так повзрослел, что охотишься в горах? Но да будет тебе известно, что Белый Дэв вызывает тебя на бой!

С последним словом он вручил Мгеру письмо. В письме было написано:

Мгер! Приходи и в бой со мною вступи, не то я Сасун разрушу, а твой народ в плен угоною.

Прочитал письмо Мгер и сказал:

– Добро! Иди скажи Белому Дэву: пусть, мол, готовится к бою, я скоро к вам буду.

Пахлеван Ками сказал:

– Мгер! Есть у меня просьба к тебе. Обещай, что исполнишь!

– Мое слово свято, – сказал ему Мгер. – Вы – дэвы, а мы – сасунские удалыцы, пахлеваны.

Мы свое слово держим. Поведай мне просьбу.

– Мы ненавидим Белого Дэва. Приди и убей его, сними с нас гнет.

– Даю слово.

Мгер вернулся домой, поцеловал матери руку.

– Матушка! – сказал он. – Белый Дэв письмо мне прислал: на битву меня вызывает. Благослови меня на ратный подвиг.

– Сыночек ты мой ненаглядный! – молвила Дехцун-цам. – Ты еще молод, куда тебе сражаться с Белым Дэвом? Он изо всех земных царей самый сильный. Для меча он неуязвим. Обожди немного. Подрастешь, тогда и сражайся с Дэвом.

– Нет, – сказал Мгер. – Подождать, конечно, можно, но я слово дал пахлевану Ками, что приду.

С этими словами надел Мгер отцовы доспехи, вооружился, сел на Конька Джалали и поскакал.

Взобрался на высокую гору, где был стан Белого Дэва. Стояла весна, гора была вся в цветах, воздух полнился благоуханьем. В это время Белый Дэв со своею свитой поднялся на гору.

Мгеру пить захотелось, кинулся он искать родник. Вдруг видит: два исполинских дэва стоят у родника и держат в руках буйволиный мех, полный воды. Мгер поздоровался с ними, опросил:

– Можно мне из источника водицы испить?

– Нельзя, – отвечали дэвы. – То ключ Белого Дэва. Чужим людям пить из него не велено.

– Братцы! – взмолился Мгер. – Дайте мне капельку водички – я попью и поеду своей дорогой.

– Не дадим, – молвили дэвы. – Белый Дэв поставил нас тут ключ охранять и строго-настрого приказал: как кто чужой из родника изопьет, тотчас дать ему знать.

Лопнуло у Мгера терпенье: одного из стражей он прикончил, а другого ранил, и тот спасся бегством.

Напился Мгер воды и по кровавому следу раненого дэва доехал до глубокой пещеры. Из пещеры вымахивало необъятное пламя. У входа в пещеру привязанная к дереву красавица девушка с израненного дэва кровь отирала. Мгер дэва схватил, скрутил, целый утес на него навалил, а красавицу отвязал. Смотрит девушка: ее спаситель – юный прекрасный пахлеван. Залюбовалась она им.

– Ах, юный смельчак! – воскликнула красавица. – Ведь сюда ни птица на крыле, ни змея на животе не доберутся. Как же ты это отважился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.